

Рустам Максимов

ГЛАВНЫМ КАЛИБРОМ — ОГОНЬ!

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика

Рустам Максимов

Главным калибром – огонь!

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Максимов Р. И.

Главным калибром – огонь! / Р. И. Максимов — «АСТ»,
2017 — (Военная фантастика)

ISBN 978-5-17-104649-1

Русско-японская война, Российский флот на Дальнем Востоке в катастрофическом состоянии. Однако на этот раз наместник его царского величества адмирал Евгений Иванович Алексеев видит во сне эпизоды чужой жизни, с некоторыми подробностями, запомнившимися следователю Следственного комитета начала XXI века. Сумеет ли он сделать необходимые выводы? В любом случае адмирал постарается исправить сложившееся положение, чтобы с Божьей помощью победить в этой войне.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-104649-1

© Максимов Р. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Рустам Максимов

Главным калибром – огонь!

Роман

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Рустам Максимов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Автор выражает огромную благодарность и признательность
Чернову Кириллу Николаевичу, присутствующему на форуме
www.tsushima.su под ником «Варяг».*

*Автор благодарит участника форума www.tsushima.su под ником
«Аскольд».*

Все даты приведены по старому стилю.

В одной из древних религиозно-мировоззренческих систем высказана мысль, что в состоянии сна человек имеет возможность увидеть жизненные ситуации из своего собственного будущего. В упомянутой доктрине считается, что таким образом наши предки, уже отошедшие в мир иной, пытаются предупредить своих прямых потомков о том, с какими ситуациями тем придётся столкнуться в процессе жизни.

Предположим, что создатели древней религиозно-мировоззренческой системы знали о мироздании намного больше, чем люди, живущие в современном техногенном мире. Предположим, что ушедшие в иной мир предки действительно пытаются предупредить своих потомков, образно говоря, «транслируя» им во сне картины вероятного будущего.

А теперь представим, что возможна и «обратная связь» – такой пространственно-временной парадокс, при котором люди, жившие до нашего воплощения в этом мире, получают возможность видеть в своих снах будущее своих прямых потомков. К примеру, увидеть во сне ситуации из жизни своих потомков, вплоть до сцен из их личной жизни и эпизодов из просмотренных ими кинофильмов. Представим, что какой-нибудь неизвестный гений изобретёт и построит устройство, позволяющее проверить подобный эксперимент. Что в таком случае сможет сделать предок нашего современника, если каждую ночь будет видеть образы грядущего, то, что происходило (или произойдёт) в жизни своего потомка?

Глава 1

– Привет, Михалыч! – отворив калитку, я поздоровался с появившимся на крыльце стариком. – Гостей принимаешь?

– Здравствуй, здравствуй, товарищ подполковник полиции, – улыбнулся мне хозяин дома, выделив интонацией непривычное старшему поколению слово «полиция». – Заходи, гостем будешь.

– Устаревшая информация: я уже восемь месяцев, как не работаю в полиции, – засмеялся я, шагая по дорожке навстречу Михалычу. – В следственный комитет прокуратуры позвали, должность хорошую предложили, плюс звёздочку на погоны накинули.

– Вот оно что, – многозначительно выгнул бровь хозяин. – Звёздочку, небось, со своими операми обмывал, а мне, старику, даже не позвонил.

– Ну, извини, так получилось. Сам понимаешь – новая должность, новые хлопоты, – я виновато развёл руки в стороны. – С ходу нагрузили такой воз работы, что никак не получалось вырваться, а тут ещё и реорганизовали в отдельную структуру...

Мы обменялись рукопожатием, и, быстро припомнив пару-тройку бородатых анекдотов о прокурорских, поднялись по ступенькам на крыльцо. Зашли в дом, окунувшись в скромную обстановку среднестатистического жилища среднестатистического пенсионера.

Этот двухэтажный дом Михалыч построил своими собственными руками на самом обыкновенном дачном участке. Строил несколько лет по какому-то оригинальному проекту, который был сделан одним из лучших архитекторов столицы. Построив, тотчас переселился жить на природу, оставив «двушку» своей старшей дочери.

Побывать в гостях у старика – значит, получить удовольствие от общения с по-настоящему умным человеком, что является редкостью в наше время. Голова у Михалыча работает, словно суперкомпьютер, а руки воистину золотые. Хозяин дома постоянно чего-то мастерил, собирал, рисовал какие-то эскизы и чертежи. В подробности его работ и поделок я никогда не влезал – считал, что как-то неприлично любопытствовать, если человек сам не заводил разговор на данные темы.

– Как чай? Хорош? – между глотками поинтересовался гостеприимный хозяин и подвинул ближе ко мне стеклянную вазочку. – Бери печенье, не стесняйся. Очень вкусное, совсем недавно такое стали выпекать.

– Да, вкусное. Что-то новенькое, такого ещё не пробовал, – откусив кусочек, кивнул я в ответ. – Давай к делу, Михалыч. Неужели торчки? Или азиаты появились? Хотя нет, здесь не должно быть нелегалов и наркош. Район у тебя за последний десяток лет стал спокойный, миллионеры вон сколько домов понастроили. Знаешь, такие особняки, как в округе, я видел в районе ближе к Барвихе.

– Если бы нелегалы... Они тоже люди. Да и наркоманы не всегда звери. Всё намного хуже, – вздохнул Михалыч, протягивая мне плотный конверт. – Вот, смотри. Хотят оттяпать мой домик себе в собственность, а меня на улицу выкинуть.

Жуя на автомате печенье, бегло просмотрел содержимое конверта: пара листов бумаги с деловым предложением о продаже дома вместе с земельным участком. А Михалыч, если не изменяет память – собственник, давным-давно оформил все документы на свою недвижимость, и домик вроде продавать не собирался.

– Вячеслав Михайлович, а кто прислал это письмо? Обратный адрес есть, но мне он пока ничего не говорит, – поднял глаза на хозяина.

– Кто, кто... Конь в пальто, – неудачно скаламбурил хозяин и назвал хорошо всем знакомую фамилию типа, приближённого к ведомству Табуреткина. – Его замок через четыре участка от моего дома, с трёхметровым забором из красного кирпича.

Что же, подспудно я ожидал чего-то подобного. К примеру – положил какой-нибудь столичный наркобарон глаз на домик Михалыча, и поминай потом, как старика звали... С другой стороны, бодаться с лучшим дружбаном министра обороны тоже не сахар – крайне накладное и проблематичное занятие. И вовсе не по правовым причинам. Проблема в том, что сеньор дружбан – политик. А на этих парней никогда не хватает ни патронов, ни законов. Потому что политики – существа хитрозадые и языкастые, пишут законы под себя и под свои анусные интересы. «Слуги народа» (цензура).

В мирное время политики обещают каждому мужику по гарему красивых баб, каждой бабе по мужику с солидным банковским счётом, а сами потихоньку перекаладывают госбюджет в собственные карманы. Случись война – пускают на убой свой народ, который льёт кровь за смесь чужих интересов, красивых лозунгов и наглой лжи. А уж врут политики, врут безбожно... Бог, кстати, у них один – доллар с честно изображённым на нём вырванным глазом в треугольнике. Ну, хоть тут нет обмана – сами символы говорят о самой сути устройства современного общества. Конечно, говорят лишь для тех, кто понимает язык этих символов.

Битый час я объяснял Михалычу, что ему выгоднее принять предложение, положить в карман пару-тройку лимонов евро, а потом купить два, три, четыре дома в любом уголке страны. По принципу – бери, пока дают. Ведь не на улицу же, в прямом смысле этого слова, выкидывают старика. За участок дают деньги, и деньги хорошие.

Что такое пара миллионов евро для желающего купить недвижимость у старика? Тьфу, а не сумма. Тем более что дружбан министра даже не свои собственные денюжки станет тратить. Он из бюджета МО нужную сумму вынет, а там бабла немерено, всем вора и жуликам хватает, и хватать будет.

Прошли те времена, когда всяких Тухачевских и прочую нерусь ставили к стенке за миллиардные растраты с громким пшиком на выходе. Ну, а чтобы не раскрывать народу горькой правды о дилетантах в армейской верхушке, придумывали обвинения в шпионаже на проклятую западную демократию. Ну, или на восточную деспотию, если на тот момент был выполнен план по англо-французским шпионам.

Михалыч тем не менее упёрся намертво. Ни в какую: свой дом он ни за что не продаст. Он его своими руками построил, земля его, и всё тут. Возникло подозрение, что из-за этой-то земли весь сыр-бор и разгорелся. Сейчас один такой кусок под лимон евриков стоит, а если с солидной виллой – то уже от пары-тройки лимонов всё тех же европейских тугриков. Ясное дело, что дом Михалыча пойдёт под снос, а на его месте возведут очередной дворец для пригретого кремлядьё вора.

– Вячеслав Михайлович, ты пойми – это они пока тебе деньги предлагают. Пока. А будешь упираться – применят иные методы убеждения, и ты сам подпишешь все нужные им документы, – объяснял я старику прописные правила игры на серьёзном уровне. – А в худшем случае – просто закопают тебя, и всё тут. Не такие это люди, которые останавливаются перед пенсионерами. Они всегда получают желаемое, легко и непринуждённо, ибо сами же под себя пишут все законы.

– Да чихать я хотел на их желания! – пуще прежнего кипятился Михалыч. – Я всю свою жизнь проработал в «почтовом ящике», у меня десятки патентов и изобретений! Да у меня в подвале собрана действующая модель генератора страха! Если включу – на сотню метров вокруг все обосрут, в прямом смысле этого слова. Я не шучу! И это не единственный мой прибор!

– Какой ещё генератор страха? – я полностью обалдел от нового аргумента старика. – Может, у тебя укрепрайон под грядки замаскирован, минные поля вместо клубники, а в сарае дивизион Эс-триста спрятан?

– Не веришь? А, пойдём! Покажу, – махнув рукой, Михалыч шустро вскочил из-за стола и направился к неприметной с виду двери. – Укрепрайона и мин у меня нету, а вот кое-какие сюрпризы для непрощенных гостей найдутся.

Пожимая плечами, я подхватил свою папку, встал и пошагал вслед за хозяином. Открыв дверь, спустились в прекрасно освещённый и оборудованный подвал. Мда, это был не подвал, а целая лаборатория. Интересно, что старик здесь мудрит?

Большинство предметов и оборудования оказались совершенно незнакомыми, я узнал только блоки компьютеров и мониторы. Один блок, к примеру, до боли напоминал башню компа помешанного на виртуале геймера, зачем-то совмещённую с креслом пилота. А рядом на столе валялся самый натуральный пилотский шлем, с тянущимися от него разноцветными проводами к какой-то странной фиговине.

Внезапно зазвучала трель сотового – марш «День Победы». Михалыч выудил из кармана потёртую «нокию», морща лоб, пару секунд смотрел на номер звонящего, а затем обернулся ко мне.

– Руслан, подожди меня здесь, не хочу, чтобы тебя видели. Это минут на десять, не более. Только, пожалуйста, не трогай ничего из моих приборов, – махнув рукой в сторону аппаратуры, хозяин выдал ценные указания и поспешил наверх в дом.

Ничего незнакомого я трогать и не собирался. Более того, трогать я предпочитаю лиц женского пола. За различные округлости и выпуклости их тел. Очень приятное занятие, скажу я вам, особенно когда есть возможность зависнуть на пару дней у какой-нибудь очаровательной красавицы. А вот компы я у Михалыча, пожалуй, гляну. Просто из чистого любопытства.

Подойдя к самому большому ящику, вдавил кнопку запуска. Странно, никакого видимого результата. Похоже, этот комп не рабочий. Наверное, хозяин откуда-то притащил его на запчасти к остальным аппаратам. Пощёлкал ещё раз кнопкой запуска и перешёл к следующему компьютеру – ноутбуку «Асус». Ага, аппарат включен, находится в спящем режиме. Сейчас мы его разбудим.

Так, с «железом» вроде всё ясно – китайско-корейское производство, качественное. А вот операционная система была мне совершенно незнакома, хотя чем-то и похожа на «линукс». Так, какие-то файлы в документах, зашифрованные.

Увидев интересное название, открыл одну из папок. На экране тотчас возникло сразу несколько фоток из стародавних времён: бородатые дядьки в военно-морской форме Российского Императорского флота, обвешанные орденами и всякими аксельбантами. Не знал, что Михалыч настолько увлекается военно-морской историей. Надо будет как-нибудь потрепать с ним насчёт его увлечения. По семейному преданию, один из моих прадедов прошёл всю русско-японскую, воюя за царя-батюшку, за веру, да за отечество. Бегло пролистал файлы дальше – чёрно-белые фотографии, книги, монографии, исторические подборки, полагаю, взятые из интернета.

Шагнул к следующему компу – той самой башне геймера – плюхнулся прямо в пилотское кресло весьма оригинальной конструкции. Похоже, что хозяин реально позаимствовал этот предмет у какого-нибудь самолёта. Очень удобное кресло, с хорошими облегающими свойствами.

И где только Михалыч раздобыл столь нестандартную аппаратуру? Интерфейс не похож ни на что знакомое, чёрт знает, что за операционка такая, а значки на рабочем столе полная абракадабра. Один вроде на медиаплеер похож, а остальные сильно напоминают шрифт инопланетян из фантастического фильма про Хищника со Шварцем в главной роли. Хм, не удивлюсь, если Михалыч и разработал дизайн для того американского фильма.

Щёлкнув мышкой по значку «медиаплеера», я из любопытства подтянул к себе лётный шлем. Надо же – настоящий лётный шлем, подключённый к компьютеру. В игры в нём, что ли, Михалыч рубится?

Напялив шлем на голову, опустил вниз забрало из толстого чёрного пластика. Странно – перед глазами не появилось ни одной картинки, хотя я ожидал увидеть какую-нибудь игрушку в три-дэ, или что-нибудь ещё, более интересное и пикантное. Решил снять нерабочий, как мне показалось, шлем, но внезапно по спине пробежали мурашки, а в висках сильно застучало.

Затем в уши ворвалось нарастающее звучание, похожее на шум отдалённого морского прибоя. Попробовал было встать с кресла – не получилось: нарушилась координация движений, мышцы стали словно ватные. Мир вокруг словно стал таять, исчезая непонятно куда, возникло характерное ощущение погружения в глубокий сон после пары суток на ногах. Словно сквозь стену я услышал горестный возглас вернувшегося в подвал Михалыча...

– ...Взяли! И – раз! И – два! Поднатужьтесь, братцы, совсем немного осталось! – поручик Астафьев не утерпел и, ухватившись за канат, принялся помогать солдатам.

– Да мы и сами справимся, вашблагородие, – скороговоркой произнёс оказавшийся рядом фельдфебель, явно смущённый неожиданным порывом помочь со стороны офицера.

– Давай-давай, тяни, Лопатин, хватит болтать, – Астафьев повернул голову в сторону фельдфебеля. – И – раз... И – два...

Наконец, ствол мортиры занял своё законное место на станке, и по кивку артиллерийского капитана солдаты отпустили канат. Кто-то устало смахнул пот со лба, а кто-то бросил весёлую шутку-прибаутку, дразня неуклюжего товарища. Большинство же пехотинцев молча и выжидающе поглядывали в сторону офицеров – поручика Астафьева и того самого капитана, по чьей милости их рота уже который день занималась тяжёлым физическим трудом под открытым небом.

Личный состав, впрочем, прекрасно понимал, что артиллерист здесь совершенно ни при чём. Приказ о строительстве этих позиций отдавали с самого верха, а офицеры – они такие же шестерёнки армейского механизма, как и простые солдаты. Артиллеристы, кстати, также трудились в поте лица, отрывая и оборудуя в каменистом грунте блиндажи да погреба для своих снарядов и бомб.

– На сегодня хватит. Установку последней мортиры начнём завтра утром, – повернувшись к Астафьеву, артиллерийский капитан обозначил фронт предстоящих работ. – Командир батареи выбрал для неё позицию чуть повыше, вон там.

Десятки пехотинцев повернули головы, проследив за взмахом офицерской руки. Вздых досады и разочарования непроизвольно повис в воздухе. Мало того что избранная командиром батареи позиция находилась в сотне метров в сторону по склону, так до неё ещё придётся проложить дорогу через небольшую промоину. В общем, работать солдатушкам предстояло тяжело и достаточно долго, как бы ни целый месяц. Эх, и так нелегка армейская доля, а тут ещё и прихоть наместника навалилась.

– Дал бы бог до холодов управиться, – буркнул кто-то из пехотинцев.

– Эх, зачем мы вообще здесь корячимся? – конопатый низкорослый солдат высказал вслух крамольную мысль. – Япошки никогда не посмеют напасть на Россию-матушку. Мелковаты они и трусоваты.

– Прав Петька, японцы мелкий народец, да и трусоваты они, – рядовой Евстигнеев, вихрастый весельчак местного масштаба, не мог упустить возможности почесать язык.

– Разговоры! А ну, заткнулись, оба! – рыкнул фельдфебель, незаметно грозя балаболам своим увесистым кулаком. – Есть приказ, и мы его исполняем. Всё, точка.

Сказал, словно отрубил. Стоявшие рядом с Евстигнеевым солдаты усмехнулись, глядя, как вихрастый балагур буквально подавился произнесённой фразой. Рядовой Пётр Демьянов покраснел, отчего его конопушки стали ещё заметнее. Поручик Астафьев и артиллерийский капитан вообще не обратили на инцидент никакого внимания. Взгляды офицеров были прикованы к появившейся на склоне процессии.

– Рота, стройся! – гаркнул фельдфебель, едва заведя, кто именно приближается к месту работ. Вложил в голос максимум служебного рвения, как и полагается по должности. – Смотри у меня, Демьянов!

Тяжело дыша, по склону поднимался непосредственный «виновник» непредвиденных физических нагрузок для солдат, гроза всех и вся на полуострове – наместник Его царского величества адмирал Алексеев собственной персоной. К тому же не один, а в сопровождении внушительной свиты, состоявшей из пары генералов, нескольких полковников и подполковников, трёх флотских офицеров, да ещё какого-то типа в штатском. Некоторых из свиты наместника солдаты знали – генерала Фока, например, командира их собственного полка, батальонного и ротного командиров. Других генералов и офицеров из свиты Алексева пехотинцы не знали, а больших морских чинов вообще впервые видели столь близко.

– Здравствуйте, господа! – в ответ на приветствие и доклад вытянувшихся по струнке офицеров – артиллерийского капитана и Астафьева – произнёс наместник. – Мы не на плацу, скомандуйте солдатам «вольно». Уфф, давайте отдышимся, Александр Викторович, Василий Фёдорович. Всего ничего осталось, малость передохнём, да с божьей помощью дойдём до вершины.

– Ох, зачем вообще, ваше высокопревосходительство, нам надо тащиться на самый верх? – в голосе Фока слышались плаксивость, подхалимство и раздражение одновременно. – Неужели наши более молодые спутники не справились бы с рекогносцировкой на местности?

– Ох, и горады вы, Александр Михайлович, перекладывать на молодёжь всю работу, – мазнув взглядом «более молодых» полковников и подполковников, покачал головой Алексеев. – Вон, взяли бы пример с Василия Фёдоровича: идёт, молчит, даже на природу не жалуется.

Члены свиты наместника заулыбались, припомнив, как вчера при осмотре Киньжоуских позиций генерал от артиллерии Белый провалился в какую-то промоину на склоне сопки.

Даже выдавшие виды казаки конвоя заслушались, когда генерал поминал хлёстким словом ту промоину, горы, китайцев, ну и японцев заодно. А молоденький поручик, руководивший строительством бетонированного укрытия для пулемёта, даже покраснел, услышав заковыристые обороты начальственной речи.

– Ну, как, Василий Фёдорович, хороша позиция? – спросил наместник, кивнув на едва торчащий из-за защитного каменного бруствера ствол мортиры.

– Да, молодцы пушкари, что не поленились выложить высокий бруствер, – не стал кривить душой Белый. – Случись обстрел – камни примут на себя все осколки. Здесь страшно лишь прямое попадание, что, в общем-то, невозможно без должной корректировки с гребня самой сопки.

– Что же, пойдём, посмотрим, как там обстоят дела на вершине гребня. Здесь не то что пушкари работали, но и пехотинцы свои спины гнули, – задумчиво произнёс Алексеев, поворачиваясь к Астафьеву и артиллерийскому капитану. – Поручик, составьте список особо старательных, и подайте его командиру батальона. Он утвердит поощрительные суммы и благодарности.

Стоявший чуть в сторонке и позади подполковник утвердительно кивнул, опасливо зыркнув в сторону немного неровного строя солдат. Да, не ожидали пехотинцы появле-

ния столь высокого начальства, оттого и форма одежды здорово подкачала. Впрочем, генерал-адъютант и его свита не обратили никакого внимания на внешний вид солдат, направляясь к вершине сопки.

– Угощайтесь, поручик, – артиллерийский капитан протянул Астафьеву коробку с папиросами. – Мда, вот и не верь слухам, что наместник резко изменился после своего назначения. Говорят, его словно подменили.

– Благодарю, – Астафьев ловко выудил из коробки папиросу и, чиркнув спичкой, закурил. – Не знаю, не могу судить. Я впервые вижу генерал-адъютанта вживую, да ещё столь близко.

– Что же, вам повезло. Точнее – нам, – затягиваясь, усмехнулся капитан. – А вот морякам попадает от наместника почти каждый день. Говорят, что флотские уже всюю стонут – от начальника эскадры до последнего кондуктора... Ладно, давайте-ка демонтировать блоки и тали, пока не стемнело. И с брусьями, с брусьями осторожнее. Иначе завтра придётся посылать паровоз в Дальний за новым лесом.

Вольно или невольно, но артиллерист весьма точно охарактеризовал взаимоотношения наместника Алексеева и флотского руководства. Морские чины почти всех рангов буквально стонали, почти ежедневно оказываясь в положении... Скажем так, того, кого пользует высокое начальство. Причём, если с адмиралом Старком и его штабными наместник проводил экзекуции в мягкой форме и за закрытыми дверями, то головотяпство и разгильдяйство командиров кораблей и других офицеров становились предметом чуть ли не публичного разбирательства. Начиная с сентября всякого рода тревоги и учения объявлялись на эскадре практически ежедневно, что, по мнению многих, лишь способствовало количеству совершаемых командами кораблей ошибок. Впрочем, генерал-адъютант был с этим категорически не согласен.

– Тяжело в ученье – легко в бою, – на любые возражения моряков следовал один и неизменный ответ. Неизвестно, какая муха вдруг укусила новоиспечённого наместника, но с некоторых пор Алексеев внезапно стал готовить всё подчинённое ему хозяйство к отражению нападения со стороны Японии. – Забудьте все предрассудки и воспринимайте самураев всерьёз.

– Что же, господа, как и было обещано, я нашёл выход из сложившейся финансовой ситуации. Теперь всё дело за вами, точнее, за вашими подчинёнными, – уже находясь в вагоне поезда, Алексеев резюмировал некоторые итоги своей деятельности за последний месяц. – Думаю, что в Порт-Артуре вы сможете привлечь к работам некоторое количество моряков. Из экипажей «Дианы» и «Паллады», например.

– Ваше высокопревосходительство, нам бы не хотелось портить отношения с начальником эскадры, – весьма прозрачно намекнул на тонкие обстоятельства генерал-майор Белый. – К тому же никакая бесплатная рабочая сила не способна компенсировать отсутствие стройматериалов. А на них, соответственно, вновь придётся тратить из вашего личного фонда. Замкнутый круг какой-то.

– К тому же, используя личный состав на строительных работах, мы забываем о боевой подготовке, – не усидел на месте генерал Фок. – Вот уже месяц, как мои солдаты...

– Ой, Александр Викторович, вот только не надо напоминать об уставах, артикулах да прочей шагистике на плацу, – Алексеев не совсем вежливо перебил командира 4-й Восточно-Сибирской. – Когда начнётся война, каждый бруствер, сложенный из камней, спасёт жизнь какому-нибудь солдату. Вспомните-ка осаду Плевны, господа!

– В Петербурге не верят в близкую войну с Японией, – дипломатично напомнил начальник Порт-Артурской крепостной артиллерии. – Япония не посмеет на нас напасть.

– Василий Фёдорович, давайте мы не будем уподобляться китайским мандаринам, – тотчас вскинул брови наместник. – Совсем недавно Япония уже нападала внезапно, даже не удосужив себя объявлением войны. И результат нам всем хорошо известен.

– Так то – китайцы, какие из них солдаты? – презрительно фыркнул Фок. – Мы же сильны и на суше и на море. Япония нас запугивает, и не более того.

– Да, на суше япошкам нас не одолеть, – посопев, согласился генерал-адъютант. – А вот на море враг имеет качественный перевес в броненосных кораблях линии. И это серьёзно. Молите Бога, господи, чтобы война не началась, пока не подойдут новые броненосцы с Балтики. Без них нам придётся туго.

В этот момент подали ужин, и никто из присутствующих не пожелал портить аппетит дальнейшим военно-политическим спором. На столе источала божественный аромат утка с трюфелями, зеркальный карп, запечённый по какому-то хитрому китайскому рецепту, чуть в стороне теснились холодные закуски. Личный шеф-повар наместника всегда умудрялся удивить высоких гостей своим высоким кулинарным талантом.

Поезд медленно катил в сторону Порт-Артура, стуча колёсами на стыках рельс, пронзая тьму установленным на паровозе прожектором. Вокруг железной дороги теснились горы Квантунского полуострова, всем своим видом напоминая людям о кратковременности и ничтожности их существования на земле.

По прибытии в Порт-Артур в первом часу ночи наместник и высокопоставленные чины пожелали друг другу сладких снов и разъехались по домам – отдыхать. Генерал-адъютанта Алексеева завтра ждал новый тяжёлый день.

Ещё более тяжёлый день ожидал двух офицеров флота, чьи истребители столкнулись вечером в проходе при входе в гавань. Командир недавно созданного третьего миноносного отряда, капитан 1-го ранга Матусевич не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок и мысленно чертыхаясь, раз за разом вспоминая подробности происшествия. Так уж хитро устроена у людей психика, что они не всегда способны управлять собственными мыслями, особенно если в жизни происходит что-нибудь неприятное.

Лишь недавно ставший владением России полуостров мирно спал, вверив свой покой многочисленным сухопутным патрулям и морскому дозору. По внешнему рейду Порт-Артура медленно скользили бледные лучи нескольких прожекторов, иногда выхватывая из темноты корпус какой-нибудь из патрульных канонерок. Сигнальщики провожали взглядами характерные силуэты «Гремящего» или «Отважного», которым сегодня выпала очередь охранять рейд, и вновь до рези в глазах всматривались в мельтешение волн.

Впрочем, последние время в ночном Порт-Артуре бодрствовали не только вахтенные, сигнальщики, комендоры или патрульные. Несмотря на ночь, кое-где вовсю кипела работа. С наступлением темноты эллинг на Тигровом полуострове переходил на искусственное освещение, и рабочие продолжали сборку истребителей из доставленных секций и механизмов. Недавний жёсткий приказ наместника гласил: всех работников завода перевести на круглосуточный режим работы до дальнейшего распоряжения начальства.

Работники завода – в основном инженерный персонал – поначалу попробовали возмутиться, но генерал-адъютант, применив, образно говоря, кнут и пряник, сумел добиться исполнения своего приказа. Данный эпизод не добавил Алексею любви со стороны рабочих и инженеров верфи, что, впрочем, совершенно не волновало наместника. Зато кое-кто из жуликоватой верхушки Товарищества Невского завода счёл себя обиженным и затаил на генерал-адъютанта большой зуб.

...Сильно накренясь, огромный двухтрубный военный корабль лёг на правый борт, уйдя в воду выше казематов. Развёрнутые на левый борт стволы орудий трёхорудийных башен тонущего броненосца безмолвно уставились в небо, словно огромные оглобли. Мно-

жество людей – членов экипажа – готовились броситься в море, чтобы избежать неминуемой гибели вместе со своим кораблём...

...Исполинская туша броненосца пришла в движение, медленно погружаясь и переворачиваясь кверху килем. Десятки моряков, похожих с такого расстояния на крошечных муравьёв, дружно сыпанули в воду, стараясь отплыть как можно дальше от гибнущего колосса. Десятки других перелезли со вставшей почти вертикально палубы на скользкий борт корабля, пытаясь удержаться на корпусе броненосца как можно дольше...

...И вот корабль окончательно перевернулся кверху килем, явив взору тёмное днище, на котором выделялись линии скуловых килей. Немногочисленные счастливчики карабкались по днищу тонущего броненосца, похоже, не понимая, что обречённый корабль неминуемо затянет их за собой в водную воронку...

– Господи, это сколько же денег вбухали в подобный броненосец, – проснувшись под утро и находясь под впечатлением сна, пробормотал Алексеев. – Казематная артиллерия среднего калибра... Трёхорудийные башни в оконечностях, одна выше другой. Не менее двенадцати дюймов, видимо... Никто не строит ничего похожего, кроме американцев... Но те ставят башни в два яруса, друг на дружку, да и калибр орудий у них разный... Деньги, деньги... Хватит ли моих личных ресурсов, чтобы покрыть хотя бы половину расходов?

Глава 2

Следующий день наместника начался с ранее незапланированных дел, которые никак нельзя было пустить на самотёк. С моря вернулся «Варяг», сутки назад отправленный в поход с целью всестороннего испытания котлов и машин на разных скоростных режимах. На крейсере выходила в море целая делегация опытных инженеров-механиков с кораблей эскадры, чтобы утвердить окончательный вердикт о механизмах данного корабля. Поэтому генерал-адъютант начал день со встречи со специалистами, пригласив тех на беседу в свой штаб.

Вердикт специалистов эскадры по «Варягу» практически полностью повторил выводы начальника Порт-Артурского филиала Невского завода Гиппиуса: силовая установка крейсера требовала демонтажа, с последующей полной переборкой механизмов, заменой подшипников и шеек поперечин ползунов ЦВД и ЦДС для обеих машин. То есть, говоря более простым языком, котлы и механизмы корабля нуждались в весьма серьёзном ремонте.

Без такого ремонта, по мнению экспертов, в боевых условиях «Варягу» не удастся развить ход более двадцати узлов, и уж тем более поддерживать его в течение длительного времени. Увы, в данном конкретном случае качество сборки на заводе Крампа оказалось на уровне худших отечественных образцов. Конечно, крейсер не превратился в плавучую батарею, сохранял ход, но вряд ли мог полноценно исполнять функции разведчика при эскадре.

– Что же, Всеволод Фёдорович, придётся перевести вашего «Варяга» в отряд контр-адмирала Витгефта, – спустя час Алексеев подвёл итог экспертного совещания. – Думаю, ещё нам следует подумать о вопросе рациональности размещения артиллерии в оконечностях крейсера. Да и о защите канониров от осколков господин Крамп не соизволил позаботиться... В общем, через недельку жду ваших предложений по этим проблемам.

– При эскадре осталось всего два быстроходных крейсера-разведчика, – грустно заметил вице-адмирал Старк, когда Руднев и члены комиссии откланялись и покинули зал. – Как назло, ещё и «Ослябя» задерживается. Мы рассчитывали на скорое прибытие двух броненосцев, а придёт всего лишь один единственный.

– Да, Оскар Викторович, мне весьма неприятно, – откинулся на спинку стула наместник. – Кстати, «Аскольда» я у вас заберу. Он нужен для поддержки миноносных сил.

– Как же так, Евгений Иванович? – вице-адмирал не выдержал и вскочил с кресла, заходил по залу. – Ведь вы сами постоянно твердите, что вот-вот начнётся война, но при этом разоружаются корабли, оголяется дозорная линия эскадры! Почему? Зачем?

– Да не волнуйтесь вы так, Оскар Викторович, – глядя на нервно переминающегося у окна Старка, приказным тоном произнёс генерал-адъютант. – Вместе с «Цесаревичем» идёт «Баян», который вместе с «Богатырём» составит пару отличных разведчиков. Признаю, что изначально мы рассчитывали на наличие при эскадре минимум тройки бронепалубных крейсеров-разведчиков, но «Варяг» выпал из обоймы по объективным причинам. Нет смысла отправлять его с отрядом броненосных крейсеров во Владивосток, ибо сейчас он не обгонит даже старика «Рюрика». Я считаю, что новенький, отлично защищённый «Баян» с успехом заменит собой сразу пару бронепалубников, а наши миноносные силы получают хороший флагман.

– Извините, Евгений Иванович, нервы стали совсем никудышными, – вице-адмирал присел обратно за стол. – Все эти донесения нашей агентуры из Японии на фоне технических проблем эскадры, постоянные задержки с посылкой подкреплений, хроническая нехватка денег... Я устал, очень устал.

– Ничего, Оскар Викторович, нервы, если их не задёргать, успокоятся сами собой, – примирительно заметил Алексеев, беря в руку серебряный колокольчик. – Не откажите в

любезности попить со мной чайку. Чай, говорят, весьма полезен для успокоения нервной системы и вообще для поддержания жизненных сил организма.

– С превеликим удовольствием соглашаюсь почаёвничать с вами, Евгений Иванович, – слегка успокаиваясь, вздохнул Старк. – Надеюсь, никто не побеспокоит с донесениями, как в прошлый раз...

«...Не побеспокоит, можешь быть уверен, – мысленно усмехнулся наместник. – Да и в прошлый раз тебя беспокоили по моей воле. Иначе ты мхом зарастёшь и даже пальцем не шевельнёшь ради дела... А вообще я неплохо придумал – читать своим штабным донесения из Японии от моей личной несуществующей агентуры...»

– В принципе я согласен, что нам требуется серьёзно усилить миноносные силы, – уже за чашкой чая вернулся к разговору вице-адмирал. – Но я никак не ожидал, что вы решите сделать крейсер первого ранга флагманом флотилии истребителей.

– Ну, учитывая количественное превосходство японцев в миноносцах, я не придумал никакого иного решения, – прихлёбывая чаёк, признался Алексеев. – Мы создадим сильные отряды из четырёх-шести истребителей каждый, усиленные крейсерами. Конечно, в этом есть определённый риск, но не думаю, что кто-то из японцев сумеет приблизиться на дистанцию минной стрельбы к тому же «Аскольду». Ну, или к «Новику».

В этот момент в зал вошёл флаг-офицер штаба наместника, капитан 1-го ранга Эберггард, и доложил, что в гавань входит «Манджур». Эту канонерку ждали у стенки завода, чтобы провести довооружение старого корабля современными 120-мм скорострелками, неделю назад снятыми с броненосного крейсера «Рюрик». Три 120-мм и две 75-мм орудия Канэ предназначались для замены древней кормовой шестидюймовки и слабеньких 107-мм пушек. Двойник «Манджура» – «Кореец» – уже провёл пару дней назад испытания вновь установленной артиллерии, вдребезги разнеся прибрежный утёс в бухте Тахэ.

Сейчас старая канонерка одиноко дымилась на внешнем рейде, готовясь к учениям по отражению ночных минных атак. Врага изображали истребители 1-го отряда – четыре корабля немецкой постройки, плюс «англичанин» «Боевой». Эти истребители первыми прошли перевооружение, в ходе которого на них изменили состав артиллерийского вооружения: место кормовых сорокасесмиллиметровок заняли более мощные пушки калибром в 75-мм.

Учениями командовал капитан 2-го ранга фон Эссен, находившийся на борту своего «Новика». Кстати, наблюдая за процессом усиления вооружения старых канлодок и тихоходных крейсеров, фон Эссен подал рапорт о замене малокалиберных скорострелок его «Новика» на дополнительные 75-мм пушки Канэ. Благо те снимались со стоявшей в доке «Паллады» и ожидавшей своей очереди «Дианы». Почувствовав настроение начальства, командиры истребителей 1-го отряда подали рапорта о необходимости иметь в боекомплекте их кораблей нормальные боеприпасы с пироксилиновой начинкой, а не стальные болванки.

Едва ступив на пирс, командир пришедшего из Шанхая «Манджура» получил приглашение прибыть на обед к генерал-адъютанту. Как оказалось, на обеде присутствовали командующий эскадрой вице-адмирал Старк, младший флагман князь Ухтомский, контр-адмирал Витгефт, другие офицеры штаба наместника и эскадры. Капитан 2-го ранга Кроун оказался самым младшим по званию из числа приглашённых на трапезу, что, впрочем, несколько его не смутило.

Только сейчас, за столом, кавторанг узнал причину, по которой его солидного возраста канлодка была срочно заменена в Шанхае ещё более старым крейсером «Забияка». Быстро сопоставив увиденное в Порт-Артуре со сказанным ему наместником, Кроун сделал вполне правильный вывод: армия и флот спешно готовятся к войне. И нервный боевой настрой в крепости Порт-Артур идёт вразрез с вещаемым из Петербурга миролюбивым благодушием.

Разгребясь, наконец, с первоочередными делами, ближе к вечеру Алексеев поехал с визитом на стоявшую в сухом доке «Палладу». На крейсере уже установили четыре 120-мм пушки Канэ, ранее снятые с «Лены» и «Ангары», демонтировали почти половину семидесятипятимиллиметровок вместе с практически бесполезными «хлопушками» калибром в 37 миллиметров. Кроме того, рабочие заканчивали монтировать очередное личное изобретение наместника – противоосколочные щиты вокруг огневых позиций орудий главного калибра.

Капитан 1-го ранга Коссович – командир «Паллады» – подробно доложил о проведённых работах, и генерал-адъютант потратил около часа на экскурсию по кораблю, совмещённую с беседами с артиллеристами. Впрочем, несмотря на довооружение корабля и бодрый вид его команды, Алексеев всё равно остался недоволен крейсером. Тут что угодно придумывай, но из-за малой скорости «богинь» и прочих их недостатков торчать этим кораблям во второй линии, да и то в лучшем случае. Впрочем, в одном отряде с неплохо вооружённым «Варягом», даст бог, ничего плохого с «богинями» и не приключится.

Поздним вечером, уже после ужина, наместник принял в своём кабинете двух господ в штатском. Приглядевшись к приехавшим, можно было сделать вывод, что один из них ещё совсем недавно носил военный мундир. Господина выдавали рост, осанка, стройность фигуры, некоторые манеры поведения, свойственные именно служивым людям. Второй господин имел неприметную внешность, был ниже ростом, не выпячивал при ходьбе грудь, и вполне мог мгновенно затеряться в толпе, если бы это ему потребовалось.

– Так, господа, сколько раз вам говорил: нечего тут предо мной стоять навытяжку, – ворчливо произнёс генерал-адъютант, окидывая взглядом парочку, вытянувшуюся перед ним по стойке смирно. – Берите стулья и садитесь ближе, к столу. Ротмистр Проскурин, давайте портфель.

Отмерив чеканным шагом десяток метров, высокий офицер в штатском передал наместнику небольшой тёмно-коричневый портфель. Алексеев слегка поморщился, но промолчал, доставая из портфеля тонкую папку. Немного помедлив, офицер взял стул и присоединился к своему спутнику, который молчаливо разглядывал массивное пресс-папье на столе наместника.

– Хорошо, очень хорошо, – словно про себя пробормотал Алексеев, быстро пробежав глазами первый лист. – Но каков Фок! Да и Стессель хорош... Прикинулся больным, лишь бы ничего не делать, и кляузничает на меня... Вот ирод!

Дочитав третий лист, наместник раскраснелся, шумно вздыхая, грузно встал из-за стола и направился к буфету. Оба посетителя тотчас вскочили, поворачиваясь в сторону генерал-адъютанта. Тот лишь повёл бровью, но на этот раз ничего не сказал.

– Пейте, господа, – самолично налив в три рюмки прекрасного шустовского коньяка, приказным тоном велел Алексеев. – За Его императорское величество, да благословит его господь!

Вся троица дружно опрокинула рюмки в рот, после чего наместник отставил бутылку коньяка на край стола и уселся обратно на своё кресло. Посетители последовали примеру высокого начальства, многозначительно переглянувшись меж собой. Никогда раньше высокое начальство не проявляло подобного внимания к их скромным персонам, и офицеры начинали потихоньку тревожиться.

– Надеюсь, вам не нужно напоминать, что всё изложенное на бумаге должно остаться в этом кабинете, – выждав паузу, глухим голосом произнёс генерал-адъютант, подозрительным взглядом рассматривая своих помощников. – Теперь перейдём к делам шпионским. Господин Великанов, как у нас обстоят дела с японскими соглашениями?

Посетитель с неприметной внешностью чуть кивнул головой и приступил к подробному докладу о результатах слежки за подозреваемыми в шпионаже китайцами. Слушая негромкий баритон одного из лучших сыщиков российского Дальнего Востока, намест-

ник невольно вспомнил, сколько трудов пришлось потратить на создание личной службы розыска и безопасности.

Спасибо командиру отдельного корпуса жандармов, фон Валу Виктору Вильгельмовичу, который проникся тревогой и беспокойством генерал-адъютанта за безопасность державы. Точнее – за безопасность самодержавия, ибо в своих бесчисленных телеграммах Алексеев упирал на преувеличенные опасности политического характера, якобы исходящие с Дальнего Востока. В общем, не обошлось без создания виртуальной угрозы, громко кричащей с бланков телеграмм, посылаемых в Петербург.

В результате, в начале осени в Порт-Артур прибыли два десятка офицеров жандармского корпуса, чтобы найти и искоренить саму мысль о покушении на устои Империи. Примерно такое же количество офицеров было направлено во Владивосток, чтобы усилить тамошние жандармские силы.

Едва оказавшись во владениях наместника, вновь прибывшие попали под шквал прямых указаний Алексеева, в основном касающихся контрразведки. Используя свои практически неограниченные властные полномочия, постепенно, шаг за шагом, генерал-адъютант смог направить усилия жандармов в нужное ему русло. Никто не рискнул возразить наместнику, и уж тем более – игнорировать его личные приказания. Таким образом, с некоторых пор основной задачей сыщиков стал поиск иностранных шпионов, окопавшихся в Порт-Артуре и во Владивостоке, а не борьба с мифическими вольнодумцами. Так, благодаря кадровому резерву из столицы, наместник взял под контроль информационные потоки с Квантунского полуострова, посадив на почте и на телеграфе своих людей. Тайная цензура быстро принесла свои плоды...

– Хорошо, господин Великанов. Вижу, что вы хорошо поработали, и взяли ситуацию в Дальнем под свой контроль, – выслушав ёмкий пятнадцатиминутный доклад жандарма, Алексеев откинулся на спинку кресла. – Теперь, господа, сосредоточьте свои усилия на Порт-Артуре. Я понимаю, что это не столь просто, но вы уж постарайтесь, мои дорогие. У меня на вас вся надежда, ибо больше некому.

– Мы постараемся, ваше высокопревосходительство, – поняв, что аудиенция у начальства подошла к концу, оба офицера разом поднялись со стульев. – Разрешите идти?

...Массивная многотонная машина на гусеничном ходу крутилась на месте, перепахивая всей своей массой неглубокий окоп в песчаном грунте. Наконец, бронированный монстр остановился, на мгновение замер, а затем двинулся дальше. Едва машина удалилась на пару-тройку метров от разрушенного ею окопа, из песка поднялась слабеющая рука, держащая обыкновенную с виду бутылку...

...Лишь каким-то чудом не раздавленный многотонным монстром солдат нашёл в себе силы метнуть бутылку с горючей жидкостью и неподвижно замер, глядя невидящими глазами в родное небо... Над кормой гусеничной машины поднялась стена пламени, но горящий бронеход продолжал упорно ползти вперёд...

...Сухопутный броненосец остановил только отвесный склон, с которого машина сверзилась, перевернувшись прямо на крышу. Несмотря на падение, скрытый внутри корпуса мотор по-прежнему продолжал работать, и гусеницы монстра бессильно перемалывали воздух...

...Как и во все предыдущие ночи, очередной сон оказался столь ярким и запоминающимся, что наместник Его царского величества генерал-адъютант Евгений Иванович Алексеев проснулся в холодном поту, явственно слыша лязг гусениц и разрывы танковых снарядов. Мгновение – и сновидение осталось по ту сторону яви, но при этом отпечаталось в памяти до мельчайших подробностей.

– Боже правый, прям исчадие ада какое-то, – лихорадочно нащупав нательный крестик, наместник принялся истово креститься. – Не дай бог оказаться на месте того бедного солдата...

Это началось в июле, уже после Императорского Указа о назначении Алексеева самой главной шишкой на всём Дальнем Востоке. Странные сны, словно ураган, ворвались в жизнь новоиспечённого наместника, каждую ночь погружая его в море цветных картинок и совершенно невероятной информации. Нисколько того не желая, Евгений Иванович видел то, во что не хотел даже поверить, и что предпочёл бы никогда не знать. Впрочем, понимание происходящего пришло примерно через месяц после вторжения в жизнь генерал-адъютанта этих страшных сновидений. До этого месяц еженощных кошмаров и пыток так измотал наместнику его душу, что едва не привёл к удару.

В какой-то момент совершенно неожиданно для самого себя Алексеев догадался, что он видит картины будущего России, причём глазами какого-то постороннего человека. Сны транслировались в непонятной последовательности, без какой-либо системы или привязки к каким-нибудь конкретным датам.

Например, огромный серебристый летательный аппарат мог сменить картинку с достаточно примитивным трактором, похожим на паровики, используемые американскими фермерами. А гигантский корабль с гладкой, словно футбольное поле палубой, соседствовал с трёхтрубным крейсером, в котором легко угадывалась одна из «богинь» русского флота. В следующем сне мелькало множество лиц, сменявших одно другое на трибуне странного сооружения с надписью «ленин».

Но самое страшное впечатление на наместника произвёл сон, в котором толпа вооружённых солдат и матросов врывается в здание, весьма похожее на Зимний дворец. С того дня – а точнее с той ночи – Алексеев перестал в смятении ожидать очередного наступления темноты. С той ночи генерал-адъютант старательно записывал и зарисовывал увиденное во сне в заведённой для этого отдельной тетради.

– Боже Милостливый, помоги и сохрани, не дай сойти с ума. Дай мне сил не допустить увиденного, – быстро-быстро перекрестился наместник. – Помоги раздобыть деньги, необходимые на покрытие дефицита казённых средств...

– Маликов Вячеслав Михайлович? – стоявший на крыльце гость внимательно посмотрел в глаза старика, открывшего входную дверь.

– Да, он самый, – подтвердил свою личность хозяин дома. – Чем могу...

– Майор юстиции Томилин Анатолий Павлович, Следственный комитет Российской Федерации, – раскрыв удостоверение, неожиданный посетитель в штатском подождал, пока пенсионер прочтёт прописанные на документе имя-фамилию-должность. – Вячеслав Михайлович, мы не могли бы пройти внутрь?

– Да-да, конечно, господин майор, – пошире распахивая дверь, закивал головой старик. – Проходите, пожалуйста, не стесняйтесь.

– Ну, для кого-то я, может, и господин, а для старшего поколения предпочитаю быть товарищем, – неожиданно улыбнулся майор, всем своим видом сразу же располагая потенциального свидетеля к откровенной беседе. – Давайте без официоза – для вас я просто Анатолий. Без Павловича.

– Ну, если без официоза, так без официоза, – бросив на следователя испытующий взгляд, согласился хозяин дома. – Давайте присядем. Вы, полагаю, пришли по делу... Я вас внимательно слушаю, Анатолий.

– Вячеслав Михайлович, скажите, вы знакомы с полковником юстиции Максименко Русланом Ивановичем? – прищурившись, Томилин задал первый вопрос.

– Конечно, Анатолий, я достаточно хорошо знаю полковника Максименко, – подтвердил Михалыч. – С Русланом мы знакомы ещё с советской поры. Полковник иногда посещает меня, если вдруг возникают какие-нибудь вопросы по юридической части. Ну, или, когда меня, старика, подводит здоровье.

– Понятно... А не подскажите, когда в последний раз вы видели полковника Максименко? – рассматривая скромную обстановку гостиной, и одновременно наблюдая за реакцией хозяина дома, майор задал второй вопрос.

– Дайте вспомнить... Совсем недавно было... Да, дня четыре назад Руслан был у меня, чтобы справиться о здоровье, – Михалыч немного прищурился, словно вспоминая подробности того визита. – Я ему сам позвонил и попросил приехать, провести старика. А что случилось-то? Что с Русланом?

– Дело в том, Вячеслав Михайлович, что полковник бесследно исчез, причём произошло это четыре дня назад, – выдержав некоторую паузу, произнёс Томилин и сразу же перешёл к следующим вопросам. – Во время визита полковника вы не заметили чего-нибудь странного? Например: не было ли за Максименко слежки? Как полковник себя вёл – может, нервничал, или чего-либо опасался?

– Да вроде всё было как всегда, – пожал плечами хозяин дома. – Думаю, что следить за Русланом – себе дороже. Как-никак, он бывший начальник СКМ, а не какая-нибудь канцелярская крыса. Любую слежку Максименко за версту учует, а потом поотрывает бошки тем дуракам... Да и не нервничал Руслан, вёл себя как обычно. Не думаю, что он чего-либо боялся или опасался.

– Хорошо... Значит, ничего необычного не происходило, – задумчиво произнёс гость. – Видите ли, Вячеслав Михайлович, мы сделали билинг сотового полковника на день пропажи и выяснили, что Максименко пробыл у вас в гостях чуть более трёх часов. После чего его сотовый был отключён примерно в полукилометре от вашего дома. Следовательно, вы видели полковника последним. Или одним из последних.

– Руслан подошёл к дому пешком, – наморщив лоб, словно вспоминая подробности, произнёс Михалыч. – Да, я не слышал, чтобы кто-то подъезжал на машине.

– Служебная машина полковника Максименко была найдена в трёхстах метрах отсюда, там, где он её и оставил, – немного подумав, ответил Томилин. – Эксперты не нашли в машине никаких следов присутствия посторонних лиц.

Майор не стал раскрывать факт, что следствие изъяло видео с камер наблюдения ближайших соседей пенсионера. Просмотр видеозаписей выдал результат, позволивший очертить круг поиска вокруг дома Маликова: зайдя к старику, полковник не возвращался обратно к своей машине. Теоретически Максименко мог уйти от пенсионера через задний двор, выйдя на соседнюю улицу. Но при любом раскладе это означало, что старик одним из последних видел полковника.

– Даже не знаю, что вам и сказать, Анатолий, – тяжело вздохнул хозяин дома. – Чаю хотите? Индийский, чёрный, с малиновым вареньем.

– Спасибо, не откажусь, Вячеслав Михайлович, – не стал отнекиваться следователь. – Скажите, а о чём вы разговаривали с полковником.

– Ну, в основном о моих болячках, – суется с кружками и ложками, ответил старик. – Потом обсудили текущий политический момент... Кухонные разговоры, как говорили в советское время.

– И как долго вы обсуждали текущий момент? – внимательно следя за движениями Михалыча, улыбнулся майор. – Не пропустили ли в процессе беседы рюмочку чая?

– Увы, нет. Хотя я и предлагал ему продегустировать новую настойку чёрной смородины, – после небольшой паузы произнёс пенсионер. – Руслан пробыл у меня часа два, два с половиной, не более.

– Скажите, полковник ушёл от вас через калитку или задний двор? – продолжал допытывать старика Томилин.

– Знаете, а ведь мне сразу показалось странным, что Руслан ушёл через задний двор, – повозившись с чайником, чашками и ложками, Михалыч водрузил на стол литровую банку варенья. – Хотя, может, он совместил визит ко мне со своими служебными делами.

– Возможно, так оно и было, – согласился следователь, опуская в чай ложку варенья. – Божественно, отличный аромат и вкус. вы сами выращиваете малину?

– Да, на заднем дворе растёт дюжина кустов, – прихлёбывая чаёк, ответил Михалыч. – Варенье тоже сам делаю.

Задавая вопросы на незначительные житейские темы, Томилин всё больше убеждался, что исчезновение его непосредственного начальника каким-то образом связано с сидящим напротив пенсионером. Но как? Начатое следствие сразу же раскопало и проверило всю биографию старика, никак и нигде не связанного ни с чем криминальным.

Два высших инженерных образования, работа в засекреченном КБ, патентные изобретения – всё это никак не вязалось с возможным убийством. Да и не похож Маликов на убийцу. Майор, отдавший следствию почти полтора десятка лет, в 99 процентах случаев нюхом чувал, когда перед ним находился потенциальный преступник. Сейчас же перед Томилиным сидел не сломленный различными проблемами пенсионер, а с радостью живущий дед, занимающийся своими делами, несмотря ни на что... Кстати, а чем он сейчас занимается?

– Вячеслав Михайлович, а, находясь на пенсии, вы продолжаете что-нибудь изобретать? – подумав, следователь перевёл разговор на другую тему.

– Конечно, как без этого. Человек так устроен, что просто обязан думать и изобретать, – старик, похоже, процитировал кого-то из неизвестных следователю мыслителей прошлого. – Я не могу сидеть просто так, сложа руки, не думая, и не воплощая свои задумки.

– Интересно... А у вас есть какая-нибудь мастерская? Можно на неё взглянуть, если не возражаете? – поинтересовался Томилин, решив про себя, что в случае отказа явится через пару часов с ордером на обыск и группой оперативников и экспертов.

– Да, у меня есть, как вы выразились, мастерская, – подтвердил пенсионер. – Хотите взглянуть? Пойдёмте.

Искомое помещение находилось в подвале, напоминая, скорее, целую лабораторию, а не мастерскую. Во всяком случае, термин «мастерская» никак не вязался с тем, что увидел следователь, спустившись вниз. Множество предметов и оборудования, большей частью совершенно незнакомого следователю, блоки компьютеров, ноутбуки, мониторы. Один блок очень походил на башню компа какого-нибудь геймера, помешанного на виртуальной реальности.

Впрочем, основное внимание привлекали не компьютеры, а трёхметровой длины цилиндр, прямо барокамера какая-то, стоявший прямо посередине подвала. От этого цилиндра к компам тянулась масса разноцветных проводов и шлангов, совершенно непонятного назначения. Иногда внутри цилиндра что-то тихо попискивало, скорее всего, какой-то электронный датчик.

– Что это, Вячеслав Михайлович? – указывая на трёхметровую бандуру, спросил майор. – Прямо саркофаг какой-то.

– Пфф, тоже мне саркофаг, – фыркнул пенсионер, направляясь к цилиндру. – Берите выше: сие – вечный двигатель.

Старик нажал какую-то кнопку, откинул вверх один из полукруглых сегментов верхней полусферы, примерно около метра длиной. Сделал приглашающий жест рукой. Томилин помедлил, прежде чем подойти и заглянуть внутрь. В цилиндре находилось нечто похожее, как показалось майору, на паровую турбину, которую он давным-давно видел в музее. Это

нечто, вероятно, располагалось по всей длине странного цилиндра, вырабатывая... Электричество? Тепловую энергию? Что-то ещё?

– Я даже не стану спрашивать, как эта штуковина работает, – поднимая глаза на улыбающегося старика, произнёс следователь. – Полагаю, что здесь просто не хватит моих скромных знаний по фундаментальным наукам и вычислительной технике.

– Не скромничайте, Анатолий, – опуская сегмент вниз, улыбнулся Михалыч. – Скажу так: принцип действия данного механизма антинаучен по своей сути, и не до конца понятен даже мне – его создателю.

– А оно вообще работает? – прислушиваясь к попискиванию датчика, с искренним любопытством поинтересовался майор.

– Признаться честно, я ещё не проводил запуска механизма, – старик почему-то запнулся на полуслове. – Мне необходимы кое-какие редкие микросхемы, которые крайне сложно достать на рынке.

Майор Томилин покинул дом Маликова, испытывая странные чувства. Интуиция – а она никогда не подводила следователя – подсказывала, что старик как-то связан с пропажей полковника Максименко. В то же время образ жизни пенсионера, а особенно род его деятельности, говорили, что Маликов вряд ли может навредить своему старому другу. Значит, исчезновение полковника, скорее всего, связано именно с его профессиональной деятельностью. Не исключено, что следствие упустило какие-то ещё неизвестные факты и детали, разрабатывая более лёгкую версию с пенсионером.

Глава 3

– Нет, господа, всё равно я решительно не понимаю, зачем нужно было частично разоружать «Победу», – опустив полупустой стакан с чаем, взволнованно произнёс мичман Беклемишев.

– Вижу, что вы не одиноки в этом непонимании, мичман, – хмыкнул лейтенант Черкасов, старший артиллерийский офицер броненосца «Севастополь», пять минут назад приглашённый коллегами с «Пересвета» к их столу. – Я слышал, что следующим в очереди на малую модернизацию стоит ваш корабль, господа.

Слова Черкасова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Перебивая друг друга, офицеры «Пересвета» дружно засыпали гостя репликами, доказывая тому абсурдность демонстража части артиллерии с их и без того не очень-то перевооружённого броненосца. С улыбкой выслушивая доводы разошедшихся мичманов, иногда кивая, Черкасов молча прихлёбывал ароматный чай, ожидая, когда у оппонентов иссякнет пыл. Наконец, за столом установилась относительная тишина, взгляды «пересветовцев» скрестились на госте.

– Господа, вы и правы, и не правы одновременно, – отодвинув стакан в сторону, начал старший артиллерист «Севастополя». – Судите сами: погонные шестидюймовки имеют малые углы обстрела и абсолютно не защищены какой-либо бронёй. Снимаемые семидесятипятимиллиметровки нижнего яруса также имеют малые углы обстрела, также не защищены бронёй. Эти орудия годны лишь для отражения минных атак, и не больше. Ни одна из этих пушек не нанесёт каких-нибудь серьёзных повреждений хорошо бронированному противнику. Более того, если придётся вести бой в свежую погоду, они попросту не смогут вести огонь.

– Увы, это горькая правда, господа, и её надо принимать такой, какова она есть на самом деле, – продолжил Черкасов после короткой паузы на глоток чая. – Про орудия более мелких калибров – сорокасемимиллиметровки и тридцатисемимиллиметровые пушки даже говорить как-то неудобно. Современному истребителю снаряды из таких орудий – словно слону дробина, и хорошо, что эту бесполезную мелочь убирают с кораблей эскадры. Любой здравомыслящий командир предпочёл бы отбивать минные атаки парой-тройкой дополнительных шестидюймовок на борт, а не десятком этих «хлопушек».

– А в чём же тогда наша правота, господин лейтенант? – сверкнув взглядом, подал голос один из мичманов.

– Правы вы, господа, в одном – в том, что надо крепко думать, как усилить огневую мощь наших броненосцев, – обедя собеседников взглядом, ответил Черкасов. – К сожалению, «Пересвета» и «Победу» сложно назвать полноценными кораблями линии, ввиду их ослабленного главного калибра. И наличие на них многочисленной малокалиберной артиллерии несколько не компенсирует данный недостаток.

В этот момент в ресторанцию вошли три офицера с «Севастополя», и лейтенант Черкасов откланялся, спеша присоединиться к своим друзьям. Оставшиеся за своим столом мичманы-«пересветовцы» хранили молчание, обдумывая сказанное более старшим товарищем с другого корабля.

Начиная с начала октября, пожалуй, только ленивый не обсуждал и тишком не критиковал приказы и распоряжения наместника. Особенно когда эти неоднозначные решения касались его собственного корабля. Полностью перетянув на свою сторону начальника эскадры, вице-адмирала Старка, генерал-адъютант развил бурную административно-организационную деятельность. В результате полуостров всё больше и больше стал напоминать разворощённый муравейник, почти со всех сторон окружённый водами Жёлтого моря.

Для начала Алексеев выразил своё недовольствие Стесселем, который имел неосторожность попасться на симуляции болезни. Заявив Фоку о своём недомогании, генерал-лейтенант самоустранился от инспекционной поездки, в которой наместник, по данным Стесселя, не собирался присутствовать самолично. Но Алексеев в последний момент неожиданно передумал, и по пути в Дальний решил завернуть на хребет Волчьих горы, где и застал генералов Белого и Фока с группой офицеров. Отсутствие генерал-лейтенанта по какой-то причине очень сильно обеспокоило наместника, и тот, отложив все дела, возвратился обратно в Порт-Артур.

Так получилось, что один из офицеров свиты генерал-адъютанта сразу же на вокзале столкнулся с лечащим врачом Стесселя, который и знать не знал о болезни своего пациента. Хотя подробностей разговора наместника с лечащим врачом симулирующего генерал-лейтенанта никто не знал – те общались за закрытыми дверями в кабинете железнодорожного начальства, – по крепости вскоре поползли нехорошие слухи. В результате Стессель был вынужден болеть «по-настоящему», практически не выходя из дома. Приказом Алексеева Фок был назначен временно замещающим генерал-лейтенанта по всем служебным делам.

К середине октября наместник и Старк поделили все корабли эскадры на отряды, вновь, словно карты, перетасовав крейсера и истребители. Теперь ни одна неделя не проходила без учений, боевых стрельб или кратковременных выходов в море.

Броненосцы, за исключением «Севастополя», на котором спешно перебирали обе машины, занимались отработкой маневрирования на максимальной скорости в составе единого боевого отряда. Почти ежедневные тренировки по выводу крупных кораблей в море стали обычной рутинной, на которые уже никто не обращал внимания. В ноябре – по требованию наместника – должны были состояться невиданные доселе упражнения – стрельбы на сверхдальних дистанциях.

Несмотря на явное недовольство этой идеей со стороны многих старших офицеров эскадры, им пришлось отдать своим подчинённым приказание заняться разработкой удовлетворительной методики стрельбы. Чтобы не ударить лицом в грязь перед наместником, который внезапно потребовал, чтобы броненосцы получили возможность метко стрелять главным калибром на десяток вёрст, и не менее. Генерал-адъютант с ходу отнёс робкие возражения тех, кто беспокоился за огромный расход снарядов и износ оружейных стволов.

– Стреляйте хоть чугунными снарядами, хоть сегментными, хоть деревянными, но чтобы они попадали в цель с пятидесяти пяти кабельтовых, как с пяти, – нахмурившись, жёстко высказался Алексеев на совещании штаба на борту флагманского «Петропавловска». – Забудьте о том, что было год назад. Всё изменилось. Жизнь диктует нам новые условия, и совсем недалеко то время, когда бои будут идти на дистанциях в сотню кабельтовых, а то и более.

Помня, что инициатива иногда бывает наказуема, никто из командиров броненосцев не рискнул указать генерал-адъютанту на проблему прицеливания и корректировки огня на столь огромной дальности. В русском флоте не существовало опробованной и одобренной сверху методики стрельбы на столь больших дистанциях, отсутствовали высококачественные оптические прицелы. А спустя какое-то время обнаружились и технические проблемы с подъёмными механизмами орудий главного калибра.

Пока же четыре эскадренных броненосца почти еженедельно выходили в море под флагом Старка, отлаживая взаимодействие с отрядами крейсеров и истребителей. Последние проводили в море намного больше времени, отрабатывая маневрирование и эволюции в различных условиях – днём, ночью, в шторм, в туман.

К большому огорчению Старка, на последних учениях вновь отсутствовал «Севастополь», на котором произошла серьёзная поломка машинных механизмов. Судя по всему, спешность, с которой перебирали левую машину, сделала своё чёрное дело. Хотя по распо-

ряжению Грече на ремонт корабля были направлены лучшие портовые инженеры и мастера, никто не мог обозначить точные сроки ввода броненосца в строй.

Крейсера «Богатырь» и «Боярин» проводили учения с 1-м отрядом истребителей, составленным из кораблей немецкой и английской постройки. «Аскольд» и «Новик» взаимодействовали с пятёркой «французов» 2-го отряда. После ухода во Владивосток броненосных крейсеров контр-адмирала Штакельберга условного противника изображали «Паллада» и «Диана», а также все находящиеся в строю на момент учений «соколы» Невского завода.

«Варяг» по-прежнему торчал у пирса: после перетасовки орудий главного калибра на крейсере принялись устанавливать несколько странную систему защиты канониров от осколков. Огневые позиции пушек окружались сплошной стенкой из листовой стали, около полутора метров высотой. Из аналогичной стали были изготовлены и щиты для шестидюймовок, которые монтировали сами моряки.

Спустя какое-то время количество исправных и полностью готовых к бою броненосцев сократилось до трёх единиц: «Победа» отправилась во Владивосток вместе с крейсерами Штакельберга. По слухам, этому решению предшествовали бурные дебаты на закрытом совещании штаба, где начальник эскадры и Алексеев задавили всех возражавших своими званиями и авторитетом. К мнению наместника и Старка примкнули вечно следовавшие в кильватер начальству контр-адмиралы Витгефт и Ухтомский, разом прекратив дальнейший спор по этому вопросу.

Попутно «Победа» и три броненосных крейсера обеспечили переход во Владивосток пары истребителей и двух крупных миноносцев. Порт-Артур покинули «Бурный», «Бойкий», а также заслуженные старички «Всадник» и «Гайдамак». Последние планировалось перевооружить уже по прибытии на место, а затем использовать в качестве тральщиков и дозорных судов.

Касаемо, же «Бурного» с «Бойким»... Так уж получилось, что мощностей главной базы эскадры не хватало, чтобы в относительно короткий срок капитально отремонтировать это «чудо» отечественной школы кораблестроения. Рассказывали, что наместник, ознакомившись с выводами комиссии, специально созданной для оценки технического состояния истребителей, очень нелестно отозвался о некоторых столичных предпринимателях. О тех господах, которые вопиюще некачественно строят корабли, да ещё и получают из казны за свой брак полную стоимость заказа.

Добрался Алексеев и до собираемых в Порт-Артуре «соколов». Пригласив к себе во дворец полтора десятка инженеров и офицеров, наместник приказал им продумать различные варианты быстрого монтажа и демонтажа вооружения на этих истребителях. Например, замену одного из торпедных аппаратов ещё одним орудием, в дополнение к недавно установленным на корме 75-мм пушкам Канэ.

В ходе этого совещания флагманский минный офицер штаба эскадры капитан 2-го ранга Шульц напомнил о проблеме защиты от минной угрозы, которая до сих пор не рассматривалась Алексеевым всерьёз. Генерал-адъютант на минуту задумался, а затем приказал Константину Фёдоровичу немедленно создать рабочую группу для решения проблем с тральным оборудованием. Причём в ускоренном порядке, привлекая любые требующиеся для работы силы и ресурсы.

Как говорится – лиха беда начало. Потянув за ниточку борьбы с минной угрозой, наместник невольно выудил другую проблему в данной сфере. Неизвестно почему, но генерал-адъютанта вдруг заинтересовала быстрота процесса установки минных заграждений на подчинённом ему флоте. Не откладывая дело в долгий ящик, Алексеев объявил, что назначает учения по постановке мин, на которых он будет присутствовать самолично, да ещё и вместе с адмиралом Старком.

Перед началом учений наместник успел посетить отряд канонерских лодок, несущих основную нагрузку по охране базы. Вместе с отозванным из Инкоу «Сивучем» и закончившим перевооружение «Манджуром» отряд насчитывал семь канонерок, плюс все имевшиеся в наличии номерные миноносцы.

Генерал-адъютант придирчиво осмотрел позиции шести дополнительных 75-мм скорострельных орудий «Отважного», побывал на мостике корабля, побеседовал с его командиром, капитаном 2-го ранга Давыдовым, и отдал приказ о частичном перевооружении пары канонерок. С «Бобра» и «Сивуча» требовалось немедленно снять древние стосемимиллиметровки, заменив их скорострелками Канэ, калибром в 75-мм каждая. Затем, в свете последних событий, Алексеев передал пару номерных миноносцев в прямое подчинение капитану 2-го ранга Шульцу. В качестве опытных судов для испытаний новых тралов.

– Господа, если во время войны мы будем заниматься подобными фокусами, то потеряем почти весь флот, – заявил наместник спустя пару дней, имея в виду произошедшие во время учебной постановки казусы и заморочки со временем. – Враг может не дать нам времени, чтобы возиться со всеми этими плотиками и баркасами... Я сделал вывод, что в будущем не следует привлекать для проведения минных постановок броненосцы и крейсера. Это слишком накладно и расточительно... Господин капитан первого ранга, у вас имеются какие-то предложения?

– Выше высокопревосходительство, а что же тогда делать с теми минами заграждения, что хранятся в погребах наших броненосцев? – вполне резонно поинтересовался командир «Полтавы», капитан 1-го ранга Успенский.

– Сколько у вас в погребах мин? Почти по полусотне штук на один корабль, так? – Алексеев дождался утвердительного кивка со стороны офицеров, командиров броненосцев. – Не вижу никакой необходимости хранить отдельно несколько сотен мин. Сдайте их в арсенал. Немедленно.

– Ваше высокопревосходительство, но ведь мины заграждения предназначены для защиты стоянок броненосцев на случай внезапного нападения, – произнёс младший флагман эскадры, князь Ухтомский, похоже, не понимая сути решения наместника. – Как же мы будем защищать себя на рейде, если сдадим мины в арсенал?

– Господин контр-адмирал, давайте представим себе внезапное нападение потенциального противника, например, японцев, – выждав небольшую паузу, начал Алексеев. – Скорее всего, известие об объявлении нам войны поступит с запозданием, как раз в тот момент, когда на горизонте покажется весь японский флот. В этом случае выставленные на якорной стоянке мины, скорее, помешают маневру нашей же эскадры, чем подорвут вражеские корабли. Ибо японцы не станут сблизаться на пистолетный выстрел, а начнут бить издали, чтобы не подставлять свои броненосные крейсера под наши двенадцатидюймовые снаряды.

– Ваше высокопревосходительство, но в этом случае и огонь японцев вряд ли будет иметь какой-нибудь действенный результат, – возразил Ухтомский. – Все японские броненосные крейсера европейской постройки вооружены восьмидюймовками и шестидюймовками, снаряды которых на больших дистанциях совершенно не страшны для наших броненосцев.

– Верно, князь, таким калибром не пробить пояса той же «Полтавы», особенно с десятка вёрст, – генерал-адъютант пригладил свою окладистую бороду. – Но под огонь врага попадут и наши безбронные крейсера... А если град фугасных снарядов засыплет мостики и надстройки броненосцев? Вдруг внезапно возникнет очень неприятная ситуация – нарушится управление кораблями эскадры? В такой ситуации наличие собственных минных банок где-нибудь на якорной стоянке станет опасным препятствием для нас самих, а не барьером от врага.

– Ваше высокопревосходительство, японцы могут напасть и ночью, – негромко заметил командир «Ретвизана», капитан 1-го ранга Щенснович. – Внезапность нападения вполне соответствует традициям самураев.

– Думаю, что японцы не настолько опытные, чтобы вести бой в тёмное время суток, – кашлянув, произнёс задумчиво молчавший до этого момента вице-адмирал Старк. – Напад на нас ночью, враг будет лупить из пушек в белый свет как в копеечку.

– Извините, ваше превосходительство, но я имел в виду не ночной артиллерийский бой, а минную атаку под покровом темноты, – уточнил весьма важную деталь Щенснович.

В небольшом зале, где происходило совещание старшего командного состава эскадры, на минуту установилась мёртвая тишина. Взгляды адмиралов и капитанов 1-го ранга сначала устремились к произнёсшему последнюю фразу офицеру, а затем скрестились на упитанной фигуре заместителя. Вольно или невольно, но Щенснович высказал то, о чём в штабе эскадре предпочитали вслух не говорить.

– Давайте для начала разберёмся с проблемами минных заграждений, а вопрос внезапной ночной минной атаки обсудим в следующий раз, – Алексеев вернул тему разговора в нужное русло. – Итак, всем крейсерам и броненосцам избавиться от мин в своих погребах... Кхм, теперь о насущном: мы имеем всего лишь два корабля, способных относительно быстро выставлять минные заграждения – «Амур» и «Енисей». Господа, это никуда не годится! Случись что с парой наших минных транспортов, и мы окажемся в очень плохой ситуации. Нам нужно что-то придумать, чтобы пополнить количество минных заградителей.

– Ваше высокопревосходительство, я предлагаю привлечь к решению этого вопроса добровольцев из числа наших молодых офицеров, – неожиданно высказался обычно молчаливый контр-адмирал Витгефт. – Совсем недавно, буквально вчера, вы разрешили капитану второго ранга Шульцу брать в свою команду любого желающего помочь идеями и трудом. Давайте точно так же поступим и с проблемой постановки мин: бросим по эскадре клич, глядишь, охотники сами и найдутся.

– Хм, Вильгельм Карлович, а вы подали нам весьма неплохую идею, – немного подумав, озорно сверкнул взглядом Алексеев. – Как думаете, Оскар Викторович, у нас найдутся охотники поизобретать что-нибудь новенькое?

– Да у нас таких наберётся сколько угодно, ваше высокопревосходительство, – улыбнувшись, махнул рукой командующий эскадрой. – Сами знаете: у молодых мичманов и лейтенантов энергия прёт прям через край. Пусть займутся хоть каким-то полезным делом, лишь бы не донимали начальство рапортами и докладными записками.

Слушая слова Старка, заместитель неожиданно остро осознал, что большинству присутствующих глубоко безразличны его попытки изменить отношение высшего офицерства к происходящему. Да, находящиеся в зале адмиралы и каптеранги были готовы исполнить любой его приказ, даже умереть по велению генерал-адъютанта. Но почти каждый из этих старших офицеров старался не проявить излишней личной инициативы, не горел желанием стать застрельщиком каких-нибудь революционных идей в военно-морском деле. При этом подчинённых Алексева нельзя было обвинить в косности и ретроградности, так как виноваты в этом были не они сами – главным виновником выступала сама система.

Вот и сейчас адмирал Старк, командующий эскадрой, ухватился за поданную Витгефтом мысль, и сидит, довольно потирая руки. Решил проблему, туды его в качель! Грустно сие, господа, весьма грустно.

«...И на кого же мне из вас опереться в будущем, господа хорошие? Все вы хорошие исполнители, и не более, – весьма невесёлые мысли галопом пронеслись в голове заместителя. – И ты, Вильгельм Карлович, и ты, Павел Петрович, годитесь лишь для того, чтобы передавать команды из моего штаба командирам кораблей. Нет у вас задиристости, что ли, хищности, здоровой злости...»

Алексеев внезапно вспомнил, как два дня назад на учениях неожиданно всплыла выставленная с плотика учебная мина, причём это произошло практически у самого борта «Полтавы». Весь штаб наместника и эскадры, да и он сам, словно зачарованные, наблюдали, как смертоносный шар медленно сносит течением прямо к миделю лежащего в дрейфе броненосца.

Положение спас один из офицеров находившегося чуть поодаль истребителя. Под его руководством миноносец отработал машинами назад, подойдя вплотную к борту броненосца, а сам лейтенант с парой матросов длинным крюкастым багром отвели чёртову мину в сторону. Дальше было дело техники – истребитель отбуксировал мористее заарканенную тросом мину, и моряки подняли её на борт. А если бы это была вражеская рогатая смерть, готовая рвануть в любой момент?

Спустя неделю с того совещания на рабочий стол генерал-адъютанта легла папка с рапортами от полутора десятков младших офицеров, где были изложены предложения по использованию в качестве минных заградителей почти всех кораблей эскадры, исключая броненосцы. Алексеев внимательно прочитал все рапорты, уже находясь в вагоне собственного поезда, на котором он направлялся с инспекционной поездкой во Владивосток. Эта поездка, крайне необходимая и важная для генерал-адъютанта, дала ему возможность спокойно осмыслить многие вопросы. В том числе и проблему увеличения числа минных заградителей в Порт-Артуре.

– Лейтенант Рошаковский, – взглянув на фамилию одного из подавших рапорт, Алексеев сразу же вспомнил лицо этого офицера. Именно он отвёл в сторону ту злополучную мину. – Интересно, а как бы ты поступил, лейтенант, если бы мина была боевая, а не учебная?

Среди несколько десятков идей, поданных младшими офицерами, были и весьма оригинальные проекты. Например, переоборудование в минные транспорты сразу пары тихоходных крейсеров – «Паллады» и «Дианы», от которых мало толку в качестве разведчиков при эскадре. Затем выкладки и расчёты по возможности использования в качестве минзагов канонерских лодок, истребителей разных типов, паровых катеров. Чувствовалось, что написавшие рапорта офицеры подошли к проблеме со всей душой, искренне желая усилить оборонительные возможности флота.

Решив не откладывать дело в долгий ящик, генерал-адъютант тотчас же вызвал генерал-майора Флуга и продиктовал ему фамилии тех, кто должен будет встречать вернувшегося наемника на вокзале в Порт-Артуре. Телеграмма с требуемым списком лиц была отправлена в штаб эскадры спустя пару часов, на ближайшей же железнодорожной станции.

По приезду во Владивосток наместник тотчас развил бурную административно-командную деятельность. Первым делом сразу же с вокзала помчался в порт, чтобы проверить исполнение своих приказов. Высочайшая воля оказалась выполнена в точности: со всех крейсеров удалены запасы мин заграждения, переставлены на другие позиции погонные и ретирадные шестидюймовки.

Довольно потирая руки, Алексеев созвал на борту флагманской «России» совещание штаба Отдельного отряда крейсеров. Так теперь официально именовалось соединение контр-адмирала Штакельберга. Впрочем, в состав этого отряда входил и броненосец – «Победа».

По замыслам наместника и Старка, этот корабль должен был придавать соединению лучшую боевую устойчивость, особенно при встрече с индивидуально более сильными японскими броненосными крейсерами. Ох, сколько трудов стоило генерал-адъютанту убедить строптивого ретрограда Оскара Карловича в необходимости именно такого разделения сил. А сколько ещё придётся потратить нервов и времени, когда Старк узнает о замыслах Алексеева насчёт...

На следующий день удовлетворённый состоянием дела на крейсерах наместник посетил владивостокский док, чтобы ознакомиться с ходом ремонта пары истребителей – «Бурного» и «Бойкого». Здесь, видимо, не ожидая визита столь высокого начальства, работы велись столь медленными темпами, что Алексееву пришлось применить свои почти диктаторские полномочия. В результате к концу дня следователи местного жандармского отделения с удовольствием занялись допросом некоторых нерадивых господ, пытаясь слепить из дела о воровстве казённых средств и материалов покушение на устои государства. А что делать с подобным жульём, казнокрадами и мошенниками?

На обратном пути из Владивостока наместник совершил двухдневную остановку в Харбине, чтобы посетить штаб-квартиру своей недавно созданной контрразведки. Лучше бы не посещал! Всего лишь за пару месяцев кропотливой работы присланные из Петербурга талантливые сыскари вскрыли-таки целый пласт шпионского подполья.

На стол Алексееву лёг подробный аналитический отчёт на восьми страницах, из которого следовало, что весь Дальний Восток пронизан разветвлённой агентурной сетью Японской империи. Эта сеть накрывала почти всё, до чего могла дотянуться, а что самое плохое – проникла в железнодорожную инфраструктуру наместничества.

Сухими казёнными фразами сыскари сформулировали цели и задачи вражеской агентуры в случае войны или восстаний местного населения. Перечислили подходящие объекты для совершения диверсий, указали названия станций, где были выявлены подозреваемые в шпионаже лица – в основном китайцы. В конце отчёта указывалось, что для прикрытия деятельности вражеской агентуры служат публичные дома, множество цирюлен и швейных мастерских, количество которых постоянно растёт.

Генерал-адъютант был в шоке. Если рапорт контрразведки соответствовал действительности хотя бы процентов на пятьдесят, то можно было смело ставить на то, что врагу известно о каждом чихе в русских штабах. Это было просто невероятно!

Пребывая в очень дурном настроении, Алексей припомнил кое-какие сведения об авторах скандального аналитического отчёта. Исходя из давешней телеграммы фон Валя, получалось, что тот командировал на Дальний Восток кадры, крайне неудобные для столичного начальства. Всё походило на то, что неожиданно подвернувшаяся командировка заманила для кое-кого ссылку, светившую им по совокупности проявленного любопытства. Занятый массой организационных проблем с флотом, Евгений Иванович в тот момент попросту не обратил внимания на некоторые оговорки начальника отдельного корпуса жандармов. А следовало бы.

Немного отойдя от информационного шока, наместник решил лично поговорить со ссыльными офицерами и вызвал контрразведчиков к себе на ковёр. Сыщики дисциплинированно прибыли на встречу ровно в десять часов вечера, минута в минуту.

– Господа, я долго думал над этим, – пройдясь мимо тройки стоявших навытяжку офицеров в штатском, Алексей потряс в воздухе красной папкой. – Если дела обстоят именно так, как вы описываете, то это – катастрофа! Катастрофа для империи, для политического строя, для армии и флота, для каждого из нас.

– Ваше высокопревосходительство, мы ручаемся за точность изложенного в отчёте, – взирая на высокое начальство с некоторой толикой презрения, произнёс один из сыскарей, усатый шатен приятной наружности с чисто славянскими чертами лица. – Более того, мы готовы привести некоторые факты, говорящие о вербовке японцами представителей русской православной церкви.

– Да как вы смеете, подполковник, предполагать такое? – возмутился было Алексей и стих, мгновенно вспомнив, что ему и самому ведомо много чего такого, о чём следует помалкивать в тряпочку. – Так, спокойно... Давайте говорите, и поподробнее.

В следующие два часа наместник узнал много нового о деятельности агентуры японского Генерального штаба на русской территории. Кое-что из сказанного контрразведчиками генерал-адъютант уже успел прочитать в докладе, а кое-что слышал сейчас впервые. В любом случае на территории наместничества вырисовывалась крайне безрадостная картина: японская агентура действовала почти легально, используя попустительство и слабости русской администрации.

По большому счёту, русским властям следовало бы немедленно прикрыть все бордели, прачечные, швейные мастерские, и прочее, выставив за кордон десятки тысяч китайцев, и других узкоглазых. Но, кто, же тогда станет работать вместо китайцев и корейцев? Кто будет стирать для господ офицеров, не говоря уже о том, что строительство железнодорожных путей велось руками всё тех же китайцев. Прокрустово ложе какое-то, хоть негров из Африки завози.

– Подполковник Макеев, напомните мне, по какой причине вы, все трое, оставили столицу? – как бы невзначай, в самом в конце беседы поинтересовался наместник, вперив взгляд в лицо старшего сыщика.

– Я и мои люди вели оперативную разработку Морского ведомства, – резанув Алексева острым взглядом, неожиданно произнёс подполковник. – По собственной инициативе, без санкции непосредственного начальства.

Вот оно! Есть всё-таки в России люди, служащие отечеству по чести и по совести. Эта троица рисковала собственными шкурами, раскапывая грязные делишки всесильного генерал-адмирала, родственника самого Императора. Видимо, сыскари всё-таки где-то наследили, обозначив свои интересы, за что и угодили в фактическую ссылку на Дальний Восток. А Виктор Вильгельмович какой молодец! Как грамотно он вывел из-под возможного удара ценные кадры, якобы для усиления жандармских сил в далёкой Желтороссии. И о самодержавии позаботился, и одновременно все концы в воду спрятал.

– Господин подполковник, каким образом вы пришли к выводу, что японская разведка действует столь масштабно? – немного успокоившись, генерал-адъютант заинтересовался ходом мыслей этого явно неординарного сыскаря.

– Ваше высокопревосходительство, я просто представил себя на месте японского генштабиста-разведчика, которому его начальство поставило чётко сформулированную и конкретную задачу, – глядя прямо в глаза наместника, стал объяснять Макеев. – Затем я и мои подчинённые занялись системным анализом, исходя из стоящей перед врагом задачи и учитывая имеющиеся в распоряжении Японии ресурсы.

– Стоп. вы взяли и поставили себя на место противника? – удивлённо вскинув брови, Алексеев перебил рассказчика. – Так?

– Совершенно верно, ваше высокопревосходительство, мы именно так и поступили, – в глазах подполковника промелькнула искорка уважения. – Затем мы привлекли к работе финансируемую жандармским управлением агентуру, использовали связи и возможности наших коллег из полицейского ведомства...

«...Как же, финансируемая жандармским управлением агентура. Кто же раскроет своих агентов приезжим новичкам? – усмехнулся про себя наместник. – Да вы просто давали „на лапу“ нужным людям, которые рады были поболтать... с жандармами? Нет, скорее, с залётными приказчиками, купцами, коммивояжерами, которым можно рассказать... много чего. Особенно за бутылочкой крепкого вина. Этих офицеров никто не знает, можно сказать, что их вообще не существует, и они этим сполна воспользовались. Ловко!..»

– Проще говоря, господа, вы нашли подход к полицейским чинам, и те вручили вам ниточки, ведущие в криминальный мир Желтороссии, – шагавший туда-сюда Алексеев неожиданно остановился прямо напротив Макеева. – Полагаю, что шайки наших воров и прочего отребья не особо обрадовались появлению конкуренции в лице японской разведки.

У жуликов, конечно, нет должного патриотизма, но когда к ним приходят с вполне конкретным предложением, они не против загрести жар чужими руками.

– Вы правы, ваше высокопревосходительство, – в знак уважения Макеев слегка склонил голову. – Мы заключили, скажем так, обоюдовыгодное соглашение с некоторыми из авторитетных воров и жуликов. Эти люди вовсе не в восторге, что японцы обосновались на их территории, установив на ней свои порядки и законы.

– Дожили: союз ворья и жандармов, – махнув рукой, покачал головой наместник. – Даже не знаю, что и сказать... Теперь о главном: вы нашли источники финансирования в обход казны?

Подполковник утвердительно кивнул, молча вытаскивая из внутреннего кармана пиджака запечатанный пакет с несколькими сургучными штемпелями. Пакет быстро перекочевал в руки генерал-адъютанта, был вскрыт, и минуту спустя на озабоченном лице наместника появилось некое подобие улыбки.

Глава 4

В начале второй декады ноября Алексеев вытащил Старка на испытания системы быстрой постановки мин с борта обыкновенного истребителя. Начальник эскадры не горел желанием покидать тёплый – в прямом смысле этого слова – штаб и тащиться куда-то в море, чтобы смотреть на болтающийся по волнам миноносец, но генерал-адъютант был неумолим. Взойдя рано утром на борт крейсера 2-го ранга «Боярин», объединённый штаб наместника и Старка наблюдал за действиями команды истребителя «Решительный».

Нагруженный десятком мин кораблик вполне уверенно держал курс, поспевая за впереди идущим «Скорым», на котором вышли в море молодые адепты «рогатой смерти». По бортам импровизированного минзага были устроены деревянные полозья, положенные на поперечные брусья. Смазанные салом полозья сгибались за кормой под определённым углом. Уложенные на тележки вместе с якорями мины – каждая мина и якорь на одной тележке – посредством хорошо смазанных рельс и салазок без каких-либо затруднений спихивались за корму, в море. В результате постановка десятка мин заняла считанные минуты и завершилась вполне успешно.

– Господа, на данный момент в Порт-Артуре имеется штук семь-восемь потенциальных минных заградителей, – имея в виду находящиеся в строю «соколы», произнёс генерал-адъютант. – Все вместе они могут выставить как минимум семьдесят штук мин. Семьдесят мин – это серьёзный забор от любого противника. Думаю, господа, что нам следует разработать новую тактику использования истребителей, с учётом новообретённых ими качеств.

Никто из рядом стоящих адмиралов – а наместника сопровождали Старк и Витгефт – не стал спорить с этим решением начальства. В конце концов, это не дело для занятых стратегией седовласых мужей с орлами на золотых погонах – заниматься всякими там минными делами. Пусть этим увлекаются молодые лейтенанты: Плен, Рощаковский, Шрейбер, Волков и другие, готовые сутки напролёт торчать на качающейся палубе миноносца. Дело же адмиралов – командовать эскадрой, выслуживаться перед царём-батюшкой, получать ордена и новые должности.

Возвратясь в Порт-Артур, Алексеев утвердил план модернизации «соколов», включающий демонтаж одного торпедного аппарата в пользу дополнительного орудия, и установку деревянных рельс для проведения минных постановок. Затем Евгений Иванович вспомнил об идее переоборудования в минзаги канонерских лодок, полистал рапорты офицеров и вызвал к себе в штаб лейтенантов Шрейбера и Волкова. Попутно генерал-адъютант пригласил для приватной беседы своего друга, начальника порта, контр-адмирала Гreve Николая Романовича. Содержание этой беседы так и осталось в тайне, как для штаба эскадры, так и для историков.

Девятнадцатого ноября в Порт-Артур наконец-то пришли долгожданные «Цесаревич» с «Баяном». Прибытие пары этих первоклассных кораблей вызвало прилив оптимизма в душе наместника, в сопровождении Старка сразу же посетившего броненосец и крейсер. В целом генерал-адъютант остался доволен осмотром пополнения, втайне надеясь на скорый приход отряда Вирениуса, ползущего от порта к порту где-то в Средиземном море.

По указанию Алексеева штаб Тихоокеанской эскадры еженедельно бомбардировал Адмиралтейство телеграммами, но, судя по всему, воз, точнее, отряд Вирениуса, по-прежнему околичивался где-то в европейских водах. Это было очень печально, хотя и вполне ожидаемо. С некоторых пор у наместника начало складываться стойкое впечатление, что петербургские адмиралы сплошь завербованы английской и японской разведкой – настолько

запоздалы и бестолковы были потуги столичных флотоводцев усилить российский флот на Дальнем Востоке.

«...Да, Евгений Иванович, а если учесть, что ещё и армейские начальники на тебя волком смотрят, то хоть вешайся, – невесело усмехнулся про себя Алексеев. – К счастью, и Белый, и Кондратенко вроде прониклись чувством опасности, исходящей с востока. А вот Фок продолжает упорствовать в своём нежелании наблюдать очевидное. Ладно, хоть не саботирует, а реально работает – передаёт командирам полков мои прямые приказы и распоряжения...»

Вечером наместника ожидал неприятный сюрприз: на самом верху толстой стопки свежих телеграмм лежала срочная, пришедшая от управляющего Морским министерством, вице-адмирала Авелана. Фёдор Карлович интересовался причинами разоружения боевых кораблей эскадры – крейсеров и броненосцев. При этом в телеграмме Авелана ни слова не говорилось о модернизации вооружения «богинь», канлодок и порт-артурских истребителей, словно тех даже не существовало в природе. Само наличие подобного запроса из министерства означало, что генерал-адъютант своими энергичными действиями крупно насолил местным карьеристам и дармоедам, раз те решились пойти на прямой подлог фактов.

«...Хотя я и ввёл тайную цензуру на почте и на телеграфных станциях полуострова, какой-то гад всё-таки нашёл лазейку, – просматривая пачку телеграмм, с раздражением подумал Алексеев. – Скорее всего, этот кто-то мутит воду из Владивостока, уйдя из Артура с отрядом Штакельберга. Иначе он был бы в курсе, что я „разоружил“ ещё и миноносцы...»

Неожиданно в самой середине пачки телеграмм обнаружилось и второе послание от Авелана. Управляющий Морским министерством информировал, что Генеральный морской штаб собирается рассмотреть вопрос о направлении на Дальний Восток комиссии, которая должна будет убедиться, что инициативы начальников флота и эскадры не несут угрозу обороноспособности империи. В конце телеграммы Фёдор Карлович сообщал, что комиссия отбудет из Петербурга не ранее Рождества.

«...Ну, да, конечно, кто же из столичных адмиралов захочет пропустить новогодние и рождественские приёмы у императора, – швырнув на стол недосмотренные телеграммы, наместник вышел из-за стола, направляясь к массивному буфету. – Господи, ну как же мне жить дальше с таким страшным грузом на душе!?»

Скользнув по столешнице, одна из брошенных телеграмм спикировала на пол. Это была телеграмма от начальника Кронштадтского порта вице-адмирала Макарова. Забегая вперёд, скажем, что спустя некоторое время после этого памятного вечера ротмистр Проскурин и сыщик Великанов получили приказ о расширении задач их отделения, касающихся почты и телеграфа. Алексеев решил накрыть колпаком цензуры и Владивосток с Хабаровском. Для этого срочно требовались грамотные и подготовленные кадры, которых было просто неоткуда взять.

На следующий день после прихода «Баяна» и «Цесаревича» Порт-Артур покинул отряд кораблей под флагом начальника эскадры, вице-адмирала Старка, взявший курс на Чемульпо. Броненосцы «Петропавловск» и «Полтава» сопровождали сразу три крейсера: «Аскольд», «Новик» и «Боярин». Старку предстояло разобраться с причинами нападения огромной толпы переодетых под кули японских солдат на моряков канонерки «Бобр», ранее посланной в Чемульпо в качестве стационара.

Судя по происходящему, Алексеев сделал вывод, что японцы вновь начали раскручивать чуть приостановленный ранее маховик антирусской истерии и пропаганды. Эта антирусская истерия не могла продолжаться бесконечно долго, и должна была завершиться вполне логичным концом – началом боевых действий.

Пока начальник эскадры занимался дипломатическими проблемами в иностранном порту, группа капитана 2-го ранга Шульца представила штабу наместника несколько проек-

тов новых тралов, которые требовалось испытать в море. Помня о наказе Алексеева, контр-адмирал князь Ухтомский выделил в распоряжение Шульца истребитель «Решительный» и канонерскую лодку «Гиляк». В дополнение к ранее переведённым в подчинение флагманскому минёру эскадры номерным миноносцам. На «Гиляке», кстати, день назад заменили кормовую 75-мм пушку Канэ 120-мм скорострелкой той же системы.

Между тем генерал-адъютант обратил внимание руководства крепости Порт-Артур на необходимость установки на доминирующем над местностью горном массиве Ляотешань артиллерийских батарей. Как обычно в последнее время, наместник возжелал самолично осмотреть данную местность, пригласив на прогулку по свежему воздуху десяток высших офицеров. Никто из них не рискнул отказаться от поездки, и толпа из полусотни военных отправилась на склоны горы.

Уже на месте генерал-лейтенант Стессель, наконец-то «выздоровевший» от продолжительной «болезни», имел неосторожность сослаться на отсутствие в плане полковника Величко артиллерийских позиций на Ляотешане. В ответ Алексей напомнил о плане генерала Кононовича-Горбатского, отклонённого военным министерством. При этом генерал-адъютант заметил, что во Владивостоке имеется куда более широкий фронт работ, и не желающие работать в Порт-Артуре имеют возможность отличиться в тылу. Стессель не рискнул вновь пикироваться с наместником, в которого в последние несколько месяцев словно вселился бес.

Генерал-майор Белый, благоразумно воздержавшийся во время поездки от всяких споров и возражений, с сожалением осознал, что оборудование позиций на горе Ляотешань будет неизбежно возложено на его плечи. Генерал-адъютант, похоже, окончательно решил управлять Дальним Востоком, как ему самому вздумается, на ходу изменяя все планы военного министерства.

По возвращении в Порт-Артур Белый попросил десять дней, чтобы подготовить необходимые подсчёты людских и материальных ресурсов, требуемые для возведения батарей на Ляотешане. Алексей буквально просиял, услышав слова Василия Фёдоровича, и дал тому две недели времени, чтобы сделать необходимые расчёты. К удивлению многих, наместник даже пообещал выделить на это строительство деньги. Впрочем, как уже становилось доброй традицией, все работы по устройству батарей планировалось вести силами личного состава гарнизона крепости.

Как только были закончены ремонтные работы на «Севастополе», эскадра немедленно вышла в море, совершив поход к Дальнему. В этом походе приняли участие спешно перекрашенные в серый цвет новички – «Баян» и «Цесаревич», причём последний шёл в голове колонны броненосцев под флагом адмирала Старка. Новый корабль весьма понравился начальнику эскадры, в отличие от наместника. Последний с некоторых пор стал неожиданно благоволить к «Ретвизану» и его командиру, капитану 1-го ранга Щенсновичу.

В течение декабря эскадра ещё дважды выходила в море, проведя учебные стрельбы и ночные учения по отражению минной атаки. Корабли посетили острова архипелага Эллиота, лежащие северо-восточнее порта Дальний. По возвращении в Порт-Артур половина броненосцев несколько суток оставалась на внешнем рейде, помогая отряду охранения базы капитана 1-го ранга Матусевича проводить учения по обороне ближних подступов к Порт-Артуру.

Во время этих учений вылезла одна пренеприятнейшая проблема – оказалось, что на некоторых кораблях эскадры дальномёры выдают совершенно разные данные. Разница зачастую составляла до пары кабельтовых, что, разумеется, не могло не повлиять на меткость стрельбы. Придя в себя от такой новости, генерал-адъютант приказал Старку немедленно провести проверку, сверить показания всех дальномёров, сделать юстировку «врущих» приборов.

С другой стороны, впервые был сформирован объединённый штаб, морской и сухопутный, который руководил и координировал совместные действия канонерок и береговой артиллерии. Первый блин, как и положено по пословице, вышел комом. Назначенный начальником вышеупомянутого объединённого штаба контр-адмирал Витгефт не сумел организовать должного взаимодействия береговых батарей и прожекторов с Золотой горы и Тигрового полуострова с патрульным отрядом канонерок. В результате условный противник, которого изображали истребители 1-го отряда и «Новик», смог «потопить» сразу два броненосца.

По итогам учений Алексеев немедленно произвёл экстренное совещание своего штаба, результатом чего стало создание флотилии береговой обороны в составе трёх крейсеров и семи канонерок. В случае необходимости контр-адмирал получил право привлекать к охране внешнего рейда минные заградители и истребители. В подчинение Витгефта угодил и отряд траления капитана 2-го ранга Шульца. Стоит сказать, что наместник высоко оценил и «нападающую» сторону, лично поблагодарив Николая Оттовича фон Эссена за проявленные организаторские способности и военную хитрость.

В начале января в Дальний пришёл американский пароход, доставивший личный заказ наместника. Для приёма габаритного груза в порт прибыла команда из почти полусотни армейских и флотских офицеров, во главе с загадочным господином в штатском. Первое, что бросилось бы любому стороннему наблюдателю в глаза – практически все офицеры были молодыми людьми, в званиях не старше лейтенанта. Кроме этого, большинство мичманов и флотских лейтенантов имели хорошую практику работы с паровыми котлами и прочими судовыми механизмами. Впрочем, никто из китайцев, занятых в порту на погрузке-разгрузке, об этом не знал и даже не догадывался.

– Поручик Астафьев? А вы здесь какими судьбами? – проходивший мимо офицер неожиданно остановился рядом с Виктором, протягивая тому руку для рукопожатия.

– Господин капитан? Рад видеть вас, – Астафьев сразу же признал давешнего артиллериста, с которым они пару месяцев назад бок о бок трудились на возведении позиций для гаубичных батарей. Офицеры обменялись рукопожатиями.

– Полно вам, поручик, не «господин капитан», а просто Антон Павлович, – улыбнулся артиллерист. – Ну, так что же вы здесь делаете? И где ваши подчинённые? Что-то я не заметил ни одного пехотинца.

– Эх, Антон Павлович, даже не знаю, с чего начать, – вроде как смутился молодой поручик. – Помните тот конкурс наместника о наборе добровольцев для несения особой службы?

– Так-так-так, кое-что припоминаю: с месяц назад генерал-адъютант объявил, что ему лично требуются охотники, хорошо стреляющие из пулемётов и готовые возиться с механической частью, – подозрительно прищурился капитан. – Только не говорите, что вы пошли в добровольцы.

– Так и произошло, Антон Павлович, – весело признался Астафьев. – Я неплохо палю из пулемёта, поэтому подумал и решил, что мне нужны какие-то новые приключения, что ли. Скучно стало целыми днями стоять над солдатами и зудеть, торопя и подгоняя их махать кирками и лопатами.

– Эх, молодость, полная сил и энергии, – артиллерист, похоже, развеселился. – Поручик, над солдатами всегда должен кто-то стоять, подгонять их, пихать в спину, если требуется. Иначе никак. Так что вы делаете здесь, в порту?

– Вы не поверите, Антон Павлович, – оглянувшись по сторонам, начал рассказывать Виктор. – Нас прислали принимать американские тракторы. Самые настоящие, прямо из САСШ. Говорят, закупленные по личному заказу самого наместника.

– Вот оно что, поручик. Признаюсь, я сначала не поверил, когда пошёл слух, что генерал-адъютант тратится на покупку американских авто, – усмехнулся капитан. – Зачем наместнику сразу десяток самобеглых экипажей? Хватило бы и одной пары. Теперь, вы говорите, он закупил тракторы? Право, не понимаю, где в Порт-Артуре можно найти столь обширные сельхозугодья, чтобы гонять по полям трактор.

– Вы тоже не поверите, Антон Павлович, но наместник не ездит на авто, – понизив голос, произнёс Астафьев. – Все экипажи переданы в распоряжение заезжего жандарма из Харбина.

– Так ваш отряд добровольцев состоит под началом жандарма? – мгновенно сложив факты, артиллерист скривился, словно от кислого. – Вынужден вам посочувствовать, поручик. Так, а про этот наш разговор вы не доложите?

– Да как можно, Антон Павлович? – опешил Виктор, понимая, что только что нечаянно наболтал лишнего.

– А вас как, обязали докладывать обо всех разговорах со своими знакомыми или нет? – с интересом продолжал допытываться капитан. – Если обязали приказом свыше, то обязательно доложите о нашем разговоре, поручик. Повторяю – вы должны исполнить, как велено.

– Придётся так и поступить, Антон Павлович, – с грустью в голосе произнёс Астафьев. – Я, похоже, совершил досадную ошибку.

– Нет, Виктор, вы не совершали никакой ошибки, – улыбнулся артиллерист. – Ошибку обычно невозможно исправить, а вы допустили оплошность. Правда, на войне зачастую любые оплошности приводят к ошибкам. Помните об этом. Удачи, вам, поручик. Даст Бог, мы ещё свидимся.

Капитан скрылся за углом склада, оставив Виктора грустить в одиночестве, терзаясь муками совести. Астафьев повернулся, мазнув взглядом по длинной цепочке китайских кули, таскавших в ворота склада какие-то мешки, и зябко поёжился. Промозглый и колючий зимний ветер забирался под полы шинели, дополняя препоганое душевное состояние офицера. Где-то у пирса громко запыхтел паровой котёл, и над крышами складов поднялся высокий столб чёрного дыма. Похоже, чёртовы трактора наместника готовились начать своё путешествие по землям Желтороссии.

Пока поручик Астафьев нечаянно разбалтывал про сельскохозяйственные планы генерал-адъютанта, высочайшее начальство изволило обедать. Причём, вовсе не в гордом одиночестве. В роскошном дворце наместника за сервированным множеством изысканных блюд столом сидели те, кому предстояло командовать морским мечом огромной империи на её восточных рубежах: сам Алексеев и начальник эскадры, вице-адмирал Старк.

– Оскар Викторович, ну и как вам утка по-пекински? – вытирая салфеткой губы, весьма довольным голосом поинтересовался генерал-адъютант. – Понравилась?

– Очень изысканно, Евгений Иванович, божественный вкус, – с сожалением оглядев горку косточек, честно ответил Старк. – У вас лучший повар в Порт-Артуре и, полагаю, на всём нашем Дальнем Востоке. Никто лучше него не готовит утку в «северном стиле».

– Ну, может, и не самый лучший, но готовит он действительно отменно, – Алексеев с удовольствием проглотил лезть своего гостя. – А сейчас попробуем ещё одно блюдо: карп, запечённый в экзотическом соусе.

– С превеликим удовольствием, Евгений Иванович, – предвкушая изысканное наслаждение, воскликнул вице-адмирал. – Ах, какой дивный запах!

Вышколенный официант быстро убрал опустевшие фарфоровые тарелки, заменив их чистыми столовыми приборами. Водрузив на середину стола поднос с новым блюдом, официант ловко поработал ножом, и перед нашими героями возникли тарелки с рыбой, источающей тонкий аромат специй.

Алексеев и Старк сразу же приступили к продолжению трапезы, обмениваясь одобрительными короткими фразами насчёт кулинарных талантов личного повара наместника. Спустя какое-то время подошла очередь следующего блюда, а затем и чая с десертом.

– Ах, Оскар Викторович, а представьте себе, что после победы над японцами вы ежедневно станете трапезничать подобным образом, – от темы кулинарии разговор плавно перетёк к войне и политике. – Государь император наградит вас высшими орденами Империи, подарит в вечное пользование поместья где-нибудь в европейской части России. Благодать, да и только.

– Ох, Евгений Иванович, трудновато нам будет сладить с японцем, – в отличие от воинственно-оптимистичного настроения генерал-адъютанта, начальник эскадры всё ещё надеялся на мир и дипломатию. – Как ни мудри, а у самураев больше броненосных крейсеров и крупных истребителей, да и по качеству постройки они нам ни в чём не уступят. Ох, поскорее бы пришёл отряд Вирениуса.

– Давайте не будем особо рассчитывать на Вирениуса, Оскар Викторович, – опуская чайную кружку на блюдце, поморщился Алексеев. – У меня есть основания полагать, что война начнётся раньше, чем в Артур придёт подкрепление с Балтики.

– Это основание – данные разведки нашего военно-морского атташе? – Глаза Старка сразу же стали серьёзными, в них промелькнула плохо скрываемая тревога.

– Да, причём информация получена не только от агентуры Русина, – со вздохом подтвердил наместник. – Японцы весьма нервно реагируют на нашу боевую подготовку. Как вам известно, флот микадо фактически готов к началу боевых действий и идёт мобилизация гражданских пароходов. Думаю, что до начала войны осталось совсем недолго – максимум месяц.

– Ну, что же, пусть попробуют сунуться – получают второй Синоп и Наварин, – воинственно заявил начальник эскадры. – Евгений Иванович, я бы хотел походатайствовать о назначении Карла Петровича Иессена командовать всеми крейсерскими силами эскадры.

– Кхм, Оскар Викторович, неожиданно как-то вы, – кашлянул генерал-адъютант. – Может, оно и правильно – свести все крейсера в один отряд под единым командованием, но уж больно разнородным будет это соединение.

– Согласен, что наши крейсерские силы собраны с бору по сосенке, но тот же «Баян» может составить хорошее трио с «Богатырём» и «Аскольдом», а для поддержки истребителей вполне хватит «Боярина» с «Новиком», – обосновал свои мысли Старк. – Нам не найти лучшего флагмана на крейсера, чем Иессен.

– Карл Петрович действительно хорош: задирист, храбр, независим, любит поспорить, – потербил бороду Алексеев. – Признаю, что он идеально подходит на должность начальника крейсерского отряда. Но, Оскар Викторович, Иессен мне нужен для другого дела, более важного и ответственного. Там-то его личные качества и пригодятся на все сто процентов.

– Позвольте полюбопытствовать, Евгений Иванович, а для какого дела вам необходим Иессен? – поинтересовался заинтригованный вице-адмирал.

– Я планирую послать его в крейсерство на «Рюрике», из Владивостока, – наместник отпил маленький глоток чая. – Представьте себе: одинокий рейдер в океане, в тысячах миль от базы, перехватывающий военную контрабанду. Иессен идеально подходит для подобного предприятия.

– Вы правы, Евгений Иванович, Карл Петрович словно создан для каперской роли, – пригубив чая и подумав, признал Старк. – Но кого же тогда поставить во главе отряда порт-артурских крейсеров?

– Возможно, Вирена, Роберта Николаевича, или Рейценштейна, Николая Карловича, – лакомясь пирожным, Алексеев пожал плечами. – В любом случае все крейсерские операции в прибрежных водах Ляодуна лягут на вас, Оскар Викторович.

– Я готов к любым нагрузкам и испытаниям во славу нашего императора и Отечества, Евгений Иванович, – тяжело вздохнул начальник эскадры. – Жаль, что у меня нет вашей энергии и оптимизма.

«...Эх, знал бы ты, Оскар Викторович, чего мне стоит сей оптимизм, – с тоской подумал наместник. – Для меня каждая ночь – как адское пекло, испепеляющее душу и разум. А сколько приходится исписать бумаг, чтобы отбиться от столичных флотоводцев и генералов – не поверишь. То ли ещё будет, когда в феврале прикатят с инспекцией. Боже, помоги мне всё выдержать и не сойти с ума...»

В дверь постучали, и на пороге появился начальник походного штаба генерал-адъютанта, генерал-майор Флуг, с телеграммой в руках. Быстро пробежав глазами текст, наместник улыбнулся, и поблагодарил Василия Егоровича. Тот сразу же удалился, тихонько прикрыв за собою двери.

– Ну-с, Оскар Викторович, предлагаю выпить стопочку коньяка за продукцию фирм «Цейс» и «Калес», – Алексеев удовлетворённо потёр руки. – Будем надеяться, что я не прогадал, и немецкое качество действительно самое лучшее в мире.

– Да, слушаю, – едва закончился разговор с адвокатом одного из арестованных, как телефон зазвонил вновь. Автоматически отметив, что номер звонящего ему незнаком, следователь Томилин поднёс аппарат к уху.

– Здравствуйте. Анатолий? Майор Томилин? – в динамике зазвучал вроде бы знакомый старческий голос.

– Да, я. Кто говорит? – подтвердив предположение незнакомца, поинтересовался следователь.

– Это Маликов Вячеслав Михайлович, пенсионер-изобретатель. вы недавно приходили ко мне, интересуясь визитом полковника Максименко, – быстро разъяснил звонящий. – Анатолий, вы мне ещё оставили свою визитку, помните?

– Да, Вячеслав Михайлович, конечно, помню, – Томилин сразу же сменил жёсткий служебный тон на более дружелюбный. – Вы, наверное, что-нибудь вспомнили, да?

– Можно сказать и так, Анатолий, – пенсионер тяжело вздохнул в трубку. – Я сейчас нахожусь на вашей проходной, внизу. Пусть мне выпишут пропуск, я решил сдаться.

– Хорошо, пропуск сейчас будет, – произнёс следователь, чувствуя, как у него внутри всё холодеет. – Поднимайтесь на третий этаж, в триста двадцатый кабинет. По лестнице, и налево по коридору.

За те пять минут, что пенсионер поднимался, и шёл по коридору, майор Томилин прокрутил в голове, наверное, миллион мыслей. Обвиняя себя, что недосмотрел, недоглядел, ошибся, когда оценивал этого странного старика-изобретателя. А пенсионер ведь явно идёт признаваться, что именно он убил полковника Максименко. Чёрт, как же ты, следователь, ошибся, не веря своей интуиции!

– Анатолий, я не могу вывести Руслана из пограничного состояния, – произнёс старик, едва переступив порог кабинета. – Я знаю, это моя вина, но я ничего не могу сделать – Максименко нужна серьёзная помощь, очень серьёзная.

– Стоп! Полковник жив!? – подскочил к пенсионеру Томилин. – Но вы же только что сказали, что пришли сдаваться. Объясните, я ничего не понимаю. Мой шеф жив!?

– Анатолий, если бы я только мог объяснить, – со вздохом шмыгнул носом Маликов. – Давайте лучше съездим ко мне, я по дороге всё расскажу, а дома вы своими глазами на месте увидите, что, и как.

– Хорошо, Вячеслав Михайлович, съездим к вам домой, – интонация слов следователя не предвещала ничего хорошего.

Спустя пару часов майор Томилин и пенсионер-изобретатель стояли в подвале дома у «саркофага», в котором мирно спал (СПАЛ ли?) полковник Максименко. Следователь, по дороге битый час слушавший рассказ старика, никак не мог решить, что говорить начальству. А главное – что теперь делать с Маликовым. Ясное дело, что пенсионер вовсе не собирався причинять вред здоровью высокопоставленному работнику Следственного комитета, но как это докажешь? Да и что это за аппаратура у старика, которая погрузила полковника в глубочайший сон? Сон, похоже, самый обыкновенный, не летаргический.

– Кхм, Вячеслав Михайлович, а вы всё испробовали? – майор с надеждой посмотрел на изобретателя. – Может, что-нибудь упустили?

– Эх, Анатолий, неужели вы думаете, что я столько времени просидел сложа руки? – старик вновь шмыгнул носом. – Нет, я, к сожалению, здесь бессилен. Поэтому и вынужден был попросить вас о помощи.

«...Знать бы ещё, как я могу тебе помочь, – подумал Томилин, рассматривая листы „саркофага“, искусно маскировавшие тело полковника во время прошлого визита следователя. – Чёрт, а ведь в тот раз всё гудело и пищало, словно самый настоящий прибор. Ну, и жук ты, Михалыч!..»

– Анатолий, давайте попьем чая, – почесав бороду, предложил пенсионер. – Чувствую, что в ближайшем будущем у меня не будет такой возможности.

– Боюсь, что вы правы, Вячеслав Михайлович, – согласился майор, ломая голову, под каким соусом лучше всего доложить о данном ЧП начальству. – В тюрьме с нормальным чаем бывает напряжёнка.

Глава 5

Пятнадцатого января Алексеев издал приказ, предписывающий всем российским гражданским кораблям немедленно покинуть японские и корейские порты и воды. Невыполнение данного приказа влекло за собой крупные неприятности по линии политического сыска, как для капитанов судов, так и для судовладельцев.

Данное распоряжение, впрочем, совершенно не касалось «Аскольда», три дня назад бросившего якорь в Чемульпо. Придя в этот корейский порт, крейсер 1-го ранга сменил там спешно отозванного в Порт-Артур «Боярина», который выполнял тайную миссию по доставке в Корею флигель-адъютанта короля Коджона.

Вместе с «Боярином» ушла и канонерка «Гиляк», матросы с которой осуществляли охрану русской миссии в Сеуле. Русский посланник, действительный статский советник Павлов, был очень недоволен сокращением штата охраны, но ничего не мог с этим поделать против воли Алексеева. Недавно назначенный командир «Аскольда», капитан 1-го ранга получил чёткий и однозначный приказ – смотреть в оба, игнорируя поползновения посланника подчинить крейсер воле дипломатии.

Уже отсутствовало телеграфное сообщение между Чемульпо и Порт-Артуром, на берегу шло строительство японцами складов и барakov, в порт постоянно прибывали пароходы под флагом Страны восходящего солнца. Вскоре количество «мирных жителей» японской национальности с военной выправкой перевалило за четыре с половиной тысячи и продолжало нарастать по мере подхода всё новых и новых транспортов.

В одной из последних телеграмм из Порт-Артура генерал-адъютант повелел следующее: в случае какого-либо осложнения обстановки в Чемульпо, или даже намёка на провокацию, «Аскольду» следовало немедленно уходить в открытое море и дальше действовать по обстоятельствам. По этой причине Константин Александрович посматривал на японский стационар – крейсер «Чиоду» – с огромным желанием пустить тихонечко ночью пару мин в борт этого корабля. Однако ни о чём подобном в приказе Алексеева не говорилось, и каперанг не горел желанием спровоцировать войну какими-либо своими опрометчивыми действиями.

Японцы, кстати, словно чувствовали настроения русских и старались лишний раз не задевать северных варваров ни в порту, ни на городских улицах. Командир «Чиоды», капитан 1-го ранга Мураками из кожи лез вон, лишь бы показать всем – в первую очередь русским – миролюбивые намерения японского правительства. Мысленно же Мураками вынашивал различные планы, как уничтожить русский крейсер прямо на рейде. Надо сказать, что МГШ (морской генеральный штаб) Японии весьма недвусмысленно запретил воинственному командиру «Чиоды» предпринимать какие-либо рискованные односторонние действия, чтобы не спугнуть русских раньше времени. Поэтому японец старательно разыгрывал роль пацифиста, желающего дружить со всеми, кто околачивался в Чемульпо.

Впрочем, Грамматчиков, имевший чёткие инструкции начальства, с самого начала раскусил лицедейство Мураками и его подчинённых, потихоньку готовя свой крейсер к быстрому рывку в открытое море. И «Аскольд» и «Чиода» постоянно поддерживали в котлах достаточно пара, чтобы немедленно дать ход.

Всё это происходило на фоне потрясающей неадекватности столичных дипломатов, которые самоуверенно блеяли о мире, о продолжении переговоров и прочей бестолковой лабуде. Получая подобные телеграммы из Петербурга, генерал-адъютант нервничал, начиная срывать злость на подчинённых. Досталось многим.

На это всё накладывалась бестолковая перепалка с Адмиралтейством, которая изо дня в день всё больше и больше раздражала Алексеева. Причиной нового конфликта стал экспе-

римент наместника со стрельбой на дальние дистанции. На одном из владивостокских крейсеров, задействованном в эксперименте, в конце декабря вышли из строя почти с десяток шестидюймовок Канэ. Откровенно говоря, на какое-то время «Россия» практически полностью лишилась боеспособности, о чём кто-то бдительный тотчас сообщил в Петербург.

Генерал-адъютант напрасно пытался обратить внимание Авелана и прочих адмиралов на вовремя вскрытую проблему с орудийными станками. Столичные флотоводцы никак не могли взять в толк, зачем вообще тихоокеанцы проводят учебные стрельбы на больших дистанциях. Это противоречило всем канонам отечественной военно-морской науки, не говоря уже об износе и поломках матчасти и большому расходу боеприпасов.

– Господи, ну, хоть бы скорее началась война, что ли, – перечитывая очередную телеграмму из Адмиралтейства, в сердцах бросил Алексеев. – Может, хоть тогда эти столичные шаркуны сообразят, что мы здесь не в бирюльки играем.

После Рождества наместнику стало окончательно ясно, что ему следует срочно подыскать кандидатуру на место начальника Отдельного отряда крейсеров, базирующегося во Владивостоке. Командующего этим соединением, контр-адмирала Штакельберга, подвело его хрупкое здоровье. В преддверии ожидаемой войны Эвальд Антонович не хотел брать на себя ответственность, которая легла бы тяжким грузом на его и без того расшатанное здоровье. Выбирать, собственно, было особо не из кого, поэтому во Владивосток отправился контр-адмирал Витгефт, получивший подробнейшие инструкции и наставления от Алексева.

С самого утра генерал-адъютант успел посетить порт, побывав на крейсере 2-го ранга «Боярин», на котором снимали малокалиберные «хлопушки», ставя вместо них 75-мм пушки Канэ. Затем наместник, сопровождаемый генерал-майором Белым, прибыл на Тигровый полуостров, посетив одну из батарей береговой обороны. Плановая инспекция прошла вполне удовлетворительно, и часам к трём дня Алексеев приехал на обед в свой дворец. Здесь наместника ожидал рапорт от лейтенанта Рощаковского, с пометкой «занимательно», сделанной рукой капитана 1-го ранга Эбергарда.

– Ну-ка, ну-ка, что там такого нового измыслил наш гений минной войны, – вчитываясь в рапорт неугомонного лейтенанта, пробормотал Алексеев. – Ишь ты, уничтожитель истребителей хочет сделать...

Рощаковский писал, основываясь на результатах учебных боёв, что имеет смысл перевооружить один из миноносцев 1-го отряда – «Боевой» – сразу двумя дополнительными 75-миллиметровками, сняв с этого корабля все минные аппараты. Полученный таким образом сверхистребитель лейтенант предлагал использовать в роли уничтожителя вражеских кораблей аналогичного класса. Взаимодействуя с четырьмя «немцами» из своего отряда, «Боевой» мог стать козырным тузом в случае боя в сумерках или в условиях плохой видимости. Джокерами же по-прежнему предстояло быть «Аскольду» и «Новику», с их мощным артиллерийским вооружением и хорошей скоростью хода.

Официант подал первое блюдо, и Алексеев принялся размышлять над доводами инициативного офицера, не торопясь, прихлёбывая ароматный супчик с какими-то хитрыми китайскими специями. Какой-то резон в рапорте Рощаковского был, и, возможно, имело смысл попробовать осуществить подобное перевооружение... Неожиданно в коридоре послышались чьи-то голоса, в дверь постучали, и на пороге появился капитан 1-го ранга Эбергард.

– Ваше высокопревосходительство, прибыл его превосходительство вице-адмирал Макаров, – произнёс флаг-офицер штаба, понижая голос. – Один, без сопровождения.

– Макаров? Один? А где же комиссия из столицы? – генерал-адъютант удивлённо вскинул брови. – Так... Степан Осипович уже здесь?

– Так точно, его превосходительство вице-адмирал Макаров ожидает в приёмной, – бесстрастным тоном доложил Эбергард.

– Негоже держать гостя в приёмной, моря голодом, когда хозяева за столом, – в руке Алексеева зазвенел серебряный колокольчик, и секунду спустя, словно из-под земли появился официант. – Пригласите Степана Осиповича отобедать со мной, подайте чистые столовые приборы.

– Ваше высокопревосходительство, господин адмирал, покорнейше прошу извинить, что приехал наобум, без предупреждения, – минуту спустя в столовую вошёл Макаров, похоже, действительно, только что с дороги.

– А я думал, что мне почудилось, будто я слышу знакомый голос. Проходите, Степан Осипович, не откажите разделить со мною скромную трапезу, – наместник вышел из-за стола, подойдя, первым протянул вице-адмиралу руку для рукопожатия. – Благополучно ли добрались? Мне вот казалось, что я увижу вас в одной компании с Петром Алексеевичем и Владимиром Павловичем.

– Благодарю, ваше высокопревосходительство, доехал вполне комфортно, – Макаров подождал, пока хозяин вновь займёт своё место, и уселся на отодвинутый официантом стул. – Я отправился в путь сразу, как только узнал от Фёдора Карловича о моём назначении в состав комиссии. С собой прихватил адъютанта и вестового. Полагаю, что обогнал Петра Алексеевича и Владимира Павловича на неделю, не менее.

«...Вот оно что: он прослышал о моих модернизациях и помчался в Артур, как только получил приказ императора, – быстро сообразил генерал-адъютант. – Словно тот мальчишка, который не может усидеть спокойно, когда рядом происходит нечто любопытное. Безобразов и Верховский поступили иначе – отпраздновали Рождество и не спеша тронулись в путь...»

– Что же, мне доставляет удовольствие видеть вас, Степан Осипович, – наместник говорил прямо противоположное тому, что думал в этот момент. – Расскажите, что нового в Петербурге, и как там поживает столица?

– С радостью поведаю обо всём, что знаю, – пробуя первое блюдо, пообещал Макаров. – Бесподобный вкус. У вас великолепный повар, господин адмирал.

– Прошу вас, Степан Осипович, давайте будем вести разговоры без чинов, по имени-отчеству, – великодушно предложил Алексеев. – Вы, похоже, прямиком с вокзала ко мне помчались?

– Признаюсь, Евгений Иванович, грешен: так и поступил, – с удовольствием вкушая отличный супчик, подтвердил нежданный гость. – Прошу меня покорнейше простить за сие недоразумение. А разве вы не получали мою телеграмму?

– И в мыслях не было гневаться на вас, Степан Осипович, – на этот раз наместник нисколько не покривил душой. – А вот насчёт телеграммы что-то не припоминаю. Я бы обязательно её прочёл, если бы получил. О чём вы написали в своей телеграмме?

– Странно, я посылал телеграмму, и меня заверили, что она получена адресатом, – искренне удивился Макаров. – Я написал вам, Евгений Иванович, что прибуду в Порт-Артур именно сегодня, один, без сопровождения.

– Согласен, в этом деле с телеграммой имеется какая-то непонятность, – подозревая происки японских шпионов, слегка нахмурился генерал-адъютант. – Ладно, Степан Осипович, позднее мы разберёмся и с этой тайной наших связистов. Сейчас подадут жаркое, вкусное, пальчики оближешь. Обо всём серьёзном подробно поговорим за чаем.

Спустя какое-то время, когда обе высокопоставленные персоны удовлетворённо и неторопливо прихлёбывали ароматный китайский чай, Алексеев решил ознакомить гостя с рапортом лейтенанта Рощаковского. Вероятно, наместник рассчитывал услышать мнение того самого Макарова, что наводил ужас на турок во время войны на Балканах. В то же время Алексеев, похоже, не учёл, что вице-адмирал является давним адептом торпедного вооружения, и не должен в обязательном порядке поддерживать революционные идеи новоявленных любимцев наместника.

– Сама мысль о создании сверхминоносца сводит на нет наши усилия по увеличению количества истребителей, – прочитав рапорт, сразу же заявил Макаров. – Какой смысл снимать с корабля минные аппараты, если отряд в пять истребителей и так поддерживают один-два быстроходных крейсера? Нам, наоборот, нужно иметь как можно больше миноносцев типов Шихау и Невского завода, с тремя минными аппаратами вместо двух. Лишь так можно обеспечить массированную минную стрельбу, за которой – уж поверьте мне – будущее.

Если бы вице-адмирал выразился бы более дипломатично и не отметал бы с ходу идею малоизвестного лейтенанта, история, возможно, пошла бы иным путём. Однако сделанного не изменишь, и слово не воробей – вылетело, не поймаешь.

С некоторых пор наместник считал все морские силы империи на Дальнем Востоке чуть ли не своей личной собственностью и очень гордился тем, что именно под его руководством (и на его деньги) флот становится реальной боевой силой. Алексеев полагал, что смелые начинания офицеров эскадры также в какой-то степени являются его заслугой и частично принадлежат ему. В конце концов, это именно генерал-адъютант организовал конкурс с солидным призовым фондом, благодаря чему удалось встряхнуть и расшевелить личный состав эскадры. До этого почти все проявления находчивости и инициативы почти на корню гасились авторитетом замшелых консерваторов, коих было полным-полно. Это наместник решительно ломал старые взгляды, позволяя своим подчинённым воплощать в жизнь новаторские идеи. Наконец, именно Алексеев являлся тем, кто давал шанс проявиться почти любому, кого волновала судьба империи и самодержавия.

Приехавший же из далёкой столицы Макаров позволил себе раскритиковать рапорт лейтенанта, которому наместник благоволил, явно выделяя Рошаковского среди остальных офицеров эскадры. В возможном союзе всесильного генерал-адъютанта и эксцентричного вице-адмирала наметилась первая серьёзная трещина.

– Кхм... Степан Осипович, завтра эскадра выходит в кратковременный поход на юг, к Шантунгу, – едва сдержав рвущуюся наружу волну внутреннего раздражения, Алексеев опустил на блюде опустевшую кружку. – Вы не желаете выйти в море, например, на одном из броненосцев?

– С превеликим удовольствием, дорогой Евгений Иванович, – похоже, Макаров так и не понял, что наместник вовсе не в восторге от его персоны. – Если позволите, я хотел бы пойти вместе с вами и Оскаром Викторовичем на флагмане.

– Что же, не вижу причин отказать вам, Степан Осипович, – генерал-адъютант поднялся с места, давая понять, что аудиенция окончена. – Жду вас на «Цесаревиче» в девять ноль-ноль ровно.

Двадцать первого января в японский МГШ поступила телеграмма из Чифу, от капитана 2-го ранга Мори. В телеграмме сообщалось об уходе из Порт-Артура в неизвестном направлении всей русской эскадры. Этот выход в море кораблей вице-адмирала Старка очень сильно напугал японское морское командование и недавно назначенного командующим Соединённым флотом Того Хэйхатиро. Как раз в это время в портах Страны восходящего солнца шло сосредоточение транспортов с войсками, предназначенными для оккупации Кореи.

Наличие в Жёлтом море русской эскадры могло спутать все военные планы самураев, вплоть до срыва высадки войск в корейских портах. Учитывая эти обстоятельства, японское правительство отдало приказ: начать боевые действия немедленно. Одновременно с этим был отдан приказ о захвате всех русских судов в японских и корейских портах, а также тех, кого перехватят в море.

Двадцать третьего января командир французского стационара крейсера «Паскаль» сообщил Грамматчикову о разрыве дипломатических отношений между Японией и Россией. Учитывая отсутствие связи с Порт-Артуром – японцы перерезали телеграф севернее Сеула, –

капитан 1-го ранга уведомил русского посланника о том, что тот должен эвакуировать миссию в течение двенадцати часов.

Находясь в прострации и растерянности, действительный статский советник Павлов так и не смог принять никакого конкретного решения. В конечном итоге ему пришлось покинуть Корею вместе с казачьим отрядом, уже после того, как японцы заняли Чемульпо.

Выждав, как и предупреждал, ровно двенадцать часов, в ночь на 24 января Грамматчиков отдал приказ уходить. На всякий случай на крейсере объявили боевую тревогу, погасили все огни, а командоры заняли места возле орудий. К большому облегчению русских моряков, никто не помешал выходу «Аскольда» с рейда.

В предутреннем тумане корабль благополучно прошёл узким фарватером, ведущим в корейский порт, и, оставляя позади прибрежные острова, вышел в открытое море. По приказу Грамматчикова «Аскольд» шёл экономичным ходом, держа курс на Вэйхавэй. Объявили «отбой» тревоги, но комендоры оставались у орудий, а сигнальщики до рези в глазах всматривались в туманную дымку, окутавшую зимнее Жёлтое море.

После полудня дымка слегка рассеялась, позволив морякам хоть немного обозреть горизонт. Вопреки тревожному ожиданию команды крейсера, окружающее их море словно вымерло: не мелькали характерные мачты китайских джонок, над горизонтом не поднимались облачка дыма из паровых труб. Несмотря на эту, кажущуюся мирной обстановку, Константин Александрович не рискнул воспользоваться беспроволочным телеграфом, чтобы установить связь с какими-нибудь кораблями поблизости. Продолжая хранить полное радиомолчание, оставляя за кормой милю за милей, «Аскольд» всё ближе и ближе приближался к берегам Китая.

Ранним утром 24 января капитан 1-го ранга Мураками обнаружил исчезновение русского крейсера, после чего впал в тихую панику. Поначалу японец даже не поверил докладу сконфуженного вахтенного офицера, сообщившего, что «Аскольд» исчез, бесшумно и бесследно растворившись в ночном тумане. Выскочив на палубу, командир «Чиоды» смог лично убедиться в отсутствии на рейде вражеского корабля. Это был провал.

Сохраняя внешнюю невозмутимость, капитан 1-го ранга продиктовал вызванному телеграфисту текст радиогаммы для МГШ и приказал немедленно сниматься с якоря. Конечно, Мураками не рассчитывал догнать более быстроходный «Аскольд», и уж тем более навязать тому бой, но японцу во что бы то ни стало требовалось сохранить честь своего мундира. Кто знает – вдруг русские крейсируют где-нибудь поблизости, готовясь к атаке идущих в Чемульпо транспортов? Или, что ещё хуже, по сигналу с «Аскольда» в море вышла вся Порт-Артурская эскадра, готовясь исподтишка напасть на Объединённый флот.

В этом случае Мураками просто обязан первым обнаружить русских и по возможности сообщить командованию состав и курс вражеского соединения. Японца несколько не волновало то, что его маленький устаревший крейсер неминуемо обречён на гибель при столкновении с русским флотом. Для самурая главное – его честь, и именно честь каперанга оказалась под ударом в результате побега хитрого и осторожного Грамматчикова.

Тем временем в Порт-Артуре Алексеев не менее сильно беспокоился о судьбе «Аскольда», периодически справляясь у Эбергарда о состоянии связи с Чемульпо. По несколько не зависящим от него объективным причинам флаг-офицер эскадры не мог сообщить ничего определённого – телеграфная связь с Кореей отсутствовала, о крейсере никто ничего не знал. Слушая одни и те же ответы, генерал-адъютант мрачнел буквально на глазах, продолжая, впрочем, заниматься срочными рабочими делами. Так продолжалось до вечера 24 января.

Похожее беспокойство, но по другим причинам, царило и в японском морском генеральном штабе. Благополучно ускользнувший из западни «Аскольд» мог появиться где угодно, вплоть до Токийского залива, и это ставило под угрозу планы перевозок сухопутных

войск в корейские порты. Конечно, одиночный крейсер не смог бы сорвать высадку армии на континенте, и даже не задержал бы её на сколь-нибудь длительное время, но он являлся тем фактором непредсказуемости, который приходилось учитывать. И командующий Объединённым флотом вице-адмирал Того учёл фактор «Аскольда», включив в состав охранения транспортов дополнительные силы – целых четыре броненосных крейсера из состава Второй эскадры Камимуры Хиконадзе. На всякий случай.

К вечеру 24 января Алексеев ходил мрачнее тучи, несмотря на поданный поваром великолепный обед и рапорт генерал-майора Фока о досрочном вводе в строй новых оружейных позиций на Тафашинских высотах. И причиной отвратительного настроения наместника было не только отсутствие информации об «Аскольде». Ещё днём Алексеева известили, что в Порт-Артуре и Дальнем происходит внезапный исход японского населения: коммерсантов и прочих всяких коммивояжеров.

Похожая картина наблюдалась и в Харбине, из которого пришла срочная телеграмма за подписью подполковника Макеева. Жандарм сообщал, что среди японцев циркулируют слухи о вот-вот начавшейся войне, и подданные микадо спешно покидают город. Всё вместе это означало одно – Япония собиралась напасть на Россию.

– Пригласите ко мне на ужин вице-адмирала Старка, контр-адмиралов Иессена, Гreve, князя Ухтомского и капитана первого ранга Рейценштейна, – позвонив в колокольчик, Алексеев отдал распоряжение появившемуся на пороге флаг-офицеру. – Да, ещё пригласите вице-адмирала Макарова. Пусть поприсутствует, на всякий случай.

Итогом позднего ужина у наместника стало решение о выходе в море всей Порт-Артурской эскадры, запланированное на утро 26 января. Под флагом самого генерал-адъютанта. Алексеев решил лично посетить Чемульпо, продемонстрировав в этом корейском порту всю мощь русского флота. Предполагалось, что вместе со всеми в море выйдет и адмирал Макаров, в качестве советника и наблюдателя.

Однако сей поход не состоялся, так как днём 25 января в Порт-Артур пришёл потешка «Аскольд». Исправный и невредимый, под гордо развевающимся Андреевским флагом, да ещё и не один. Вместе с крейсером в Порт-Артур пришла долгожданная «Маньчжурия», с боевыми припасами и другим снаряжением, посланным для Тихоокеанской эскадры. Подстёгнутый телеграммой из штаба наместника, капитан «Маньчжурии» приказал механикам поднапрячь машины, а утром 25 января случайно встретился в море с «Аскольдом».

Капитан 1-го ранга Граматчиков немедленно помчался на доклад к наместнику, спеша сообщить о разрыве Японией дипотношений. Данная новость подтвердила полученную из Петербурга информацию, произведя эффект разорвавшейся бомбы. Алексеев утвердился в мысли, что нападение японцев произойдёт в любой момент, и необходимо готовиться к отражению атак вражеского флота. По приказу наместника во Владивосток и Харбин были разосланы заранее приготовленные телеграммы, извещающие о неминуемой войне со Страной восходящего солнца.

На следующий день на кораблях эскадры объявили боевую тревогу и зачитали приказ генерал-адъютанта о выходе в море утром 27 января. Одновременно с этим боевая тревога была объявлена на батареях береговой обороны, на постах наблюдения, разбросанных по побережью Ляодуна. По приказу капитана 1-го ранга Рейценштейна на «Амур» и «Енисей» загружались мины заграждения, которые в первую очередь следовало выставить в Талиенванском заливе, блокировав потенциальное десантноопасное направление.

Тем временем, реализуя оперативную информацию, жандармское управление производило несколько обысков в домах подозреваемых в шпионаже. В одном случае обыск закончился перестрелкой, в которой пострадали два контрразведчика и был убит подозреваемый китаец. Ещё трое китайцев оказали физическое сопротивление, быстро подавленное приданными жандармам казаками.

Вечером 26 января над Порт-Артуром витало тревожное ожидание, подпитываемое какими-то нелепыми слухами о недавнем бое «Аскольда» с целой японской эскадрой.

«...Что за чёрт? Да они издеваются, что ли? – генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Георгиевич Цапля бросил быстрый взгляд в сторону бывших подчинённых, застывших по стойке „смирно“. Те столь слёзно просились на срочный приём, что Юрий Георгиевич решил, что с него не убудет. – Нет, не похоже. Неужели это – правда, и тот старичок, что сидит в коридоре, создал настоящую машину времени? Или не машину, а какую-то другую фиговину... Но суть-то от этого не меняется – его изобретение действует, работает, чёрт возьми. И что же мне с этим теперь делать?..»

– Кхм... Проходите, товарищи, присаживайтесь, – жестом указав на десяток свободных стульев, генпрокурор вновь стал вчитываться в бумаги.

«...Нет, это не розыгрыш. Передо мною не те люди, которые станут хохмить, столь дурацким образом разыгрывая своё собственное начальство, – ещё раз перечитав рапорт, решил Цапля. – Похоже, мы имеем дело... Чёрт, неужели это всё – правда?..»

– Елена Павловна, пригласите в кабинет господина Маликова, – отложив листы бумаги в сторону, генеральный нажал кнопку селектора связи, затем откинулся на спинку стула. – Ну-с, дорогие мои, у вас есть последний шанс признаться, что вы подшутили над собственным начальством? Будем оформлять чистосердечное, или как?

– Увы, изложенное майором юстиции Томилиным не шутка и не розыгрыш, – промокая платком вспотевшую лысину, произнёс тучный мужчина лет пятидесяти. – Я и сам поначалу не поверил, пока не увидел всё своими собственными глазами.

– Разрешите? – на пороге появился главный виновник сегодняшнего «торжества» в кабинете генерального, пенсионер и изобретатель в одном лице, собственной персоной. – Маликов, Вячеслав Михайлович, полностью признаю свою вину, готов оказать следствию содействие во всех вопросах, касаемо моего устройства.

– Кхм... Проходите, Вячеслав Михайлович, присаживайтесь... То, что вы признаётесь во всех грехах, это, конечно, радует, – генпрокурор с любопытством рассматривал шустрого старика, невольно лишившего его возможности отдохнуть завтра, в субботу. – Но было бы куда лучше, чтобы вы объяснили, каким образом можно вывести полковника юстиции Максименко из того состояния, в котором он сейчас находится.

– Увы, господин генеральный прокурор, я не знаю, как это сделать, – пенсионер сокрушённо развёл руками, и в уголках его глаз мелькнули слезинки. – Если бы я только мог...

– Хорошо. Надеюсь, вы понимаете, что с данного момента и вы, и ваше изобретение попадают под особый контроль со стороны государства? – помолчав минуту, поинтересовался хозяин кабинета.

– Да, я готов на любые жертвы, – понурив голову, кивнул старик. – Лишь бы это помогло Руслану... полковнику Максименко.

– Ну, жертв нам не нужно, а вот секретность соблюдать придётся, – прищурился Цапля. – Вячеслав Михайлович, думаю, вы понимаете, что очень скоро вашим вопросом займётся сам Президент? И вам придётся с ним разговаривать, делать полную выкладку по устройству, и не только.

– Да, я готов к такому разговору, – подтвердил Михалыч. – Готов передать нашей науке всю документацию по оборудованию, все мои расчёты и теоретические выкладки.

– Что же, вижу, что мы сработаемся, – лёгкая улыбка скользнула по губам хозяина кабинета. – Сергей Сергеевич, как я понимаю, ни ваше непосредственное начальство, ни ФЭСБэ пока что не в курсе, да?

– Совершенно верно, Юрий Георгиевич, мы не посвящали коллег из параллельного ведомства в нашу маленькую проблему, – чувствуя, что всё складывается удачно, подтвер-

дил старший из визитёров в погонах. – С нашим же непосредственным начальством мы, образно говоря, пока что не съели ни одного пуда соли... Поэтому я и майор Томилин сразу же обратились к вам.

– Ну, и отлично. Пусть на этот раз «коллеги» останутся с носом, – удовлетворённо кивнув, генпрокурор вновь нажал кнопку селектора. – Елена Павловна, организуйте нам четыре чая, пожалуйста... Да, с выпечкой и печеньем.

«...Слава богу! Всё-таки Юрий Георгиевич – настоящий мужик! Сразу вник и моментально разрулил ситуацию». – Минут пять спустя четверо мужчин мирно чаёвничали за отдельным столиком, ведя нейтральную беседу на тему размера пенсий и прожиточного уровня. Майор юстиции Томилин мысленно поблагодарил Бога, что их визит к генеральному завершается на мажорной ноте. И Михалыч цел, и карьере его упитанного начальника ничто не угрожает, и сам он не получил даже выговор. Теперь, похоже, вопросом старика-изобретателя займётся сам Президент, лично. Интересно, как тот отреагирует на доклад генпрокурора? Поинтересуется о здоровье, посоветует не читать на ночь фантастику? Впрочем, пусть президент говорит что угодно, лишь бы бросил на решение проблемы лучшие умы страны – профессоров и академиков, физиков и биологов, да хоть шаманов и колдунов. Лишь бы это помогло вернуть в этот мир полковника Максименко, живым и невредимым, в здравом уме и твёрдой памяти. Эх, Иваныч, Иваныч, и какого лешего ты полез к той грёбаной аппаратуре?

Глава 6

Уже в сумерках, попыхивая клубами дыма из единственной дымовой трубы, на порт-артурский рейд вышла канонерская лодка «Кореец». Следом за ней из прохода показался узкий корпус четырёхтрубного истребителя, назначенного этой ночью в пару к «Корейцу».

Оказавшись на внешнем рейде, истребитель увеличил ход, обгоняя ползущую на шести узлах канонерку, и вскоре стал почти невидим в наступившей темноте. Впрочем, спустя какое-то время силуэт «сокола», угодил в луч берегового прожектора, выхватившего из темноты и сам корабль, и тянущиеся из его труб струйки дыма.

Расположенный на Электрическом утёсе прожектор скользил по внешнему рейду в поисках подкрадывающегося по ночам врага. С десятков секунд мичман – заступивший на вахту береговой наблюдатель – разглядывал угодивший в луч света четырёхтрубник, а затем с облегчением отвёл цейссовский бинокль в сторону: свой. Этой осенью, во время многочисленных ночных учений мичман выучился безошибочно определять типы истребителей порт-артурской эскадры, как, впрочем, и других русских кораблей.

Канонерка обменялась сигналами со стоявшим на рейде крейсером «Паллада» и, изменив курс, поползла в обозначенный для патрулирования квадрат. Из прохода вышла следующая пара дозорных кораблей – «Гиляк» и «Стерегающий», которые сразу же повернули, идя вдоль берега Тигрового полуострова.

Поздравив с именинами супругу вице-адмирала Старка и открыв вместе с адмиральшей сам бал в её честь, спустя какое-то время наместник удалился восвояси. На завтра был запланирован поход эскадры к побережью Кореи, поэтому именины жены Старка праздновали, начиная с шести часов вечера. За последние же месяцы выдалось столько нервотрёпки, что генерал-адъютанту требовалось отдохнуть перед новым тяжёлым днём. Увы, планам Евгения Ивановича не суждено было сбыться.

Около одиннадцати часов ночи подполковник Болоховитинов передал срочную просьбу от господ Проскурина и Великанова принять их безотлагательно. Ещё пару месяцев назад в ответ на подобную срочность Алексеев, скорее всего, предложил бы офицерам зайти завтра, не донимая высокое начальство по ночам. Но, судя по всему, дела действительно не терпели отлагательства, и генерал-адъютанту пришлось пойти навстречу собственным подчинённым.

Жандармы не разочаровали, доложив сначала о ликвидации достаточно разветвлённой сети японских шпионов, а затем поведав о своих новых оперативных планах. Алексеев скривился, как от кислого, но дал «добро» на разработку британских и французских подданных, подозреваемых в связях с японцами. Конечно, в перспективе мордобитие иностранцев могло спровоцировать международный скандал, но Петербург далеко, а шпионы – вот они, рядом. В общем, пусть болтуны-дипломаты засунут языки себе... в одно место и не мешают наместнику защищать самодержавие и отечество от любой потенциальной угрозы.

Приблизительно в 23.15 вечером двадцать шестого января мичман Бойсман, вахтенный офицер «Корейца» обнаружил в луче прожектора неизвестный истребитель. Прекрасно зная, что все три русских дозорных истребителя держались рядом с канонерскими лодками, мичман объявил боевую тревогу и приказал комендорам немедленно открыть огонь.

Буквально спустя пару секунд после приказа Бойсмана в нескольких кабельтовых мористее засверкали вспышки, и до моряков донёсся грохот канонады. Это открыла огонь канонерка «Манджур», которая на пару с истребителем «Сердитый» патрулировала квадрат южнее «Корейца». Вспышки сверкали не переставая: малокалиберные пушки «Манджура»

и «Сердитого» лупили с частотой пулемётов, периодически заглушаемые грохотом двадцатимиллиметровок канлодки.

Появление на мостике «Корейца» его командира, капитана 2-го ранга Беляева, совпало с первым выстрелом из кормового орудия. Открыл огонь и «Сторожевой», чей силуэт темнел справа по носу. По горизонту зашарили бледные лучи прожекторов, количество которых заметно увеличивалось.

– Истребитель врага пустил мину! – завопил кто-то из сигнальщиков, похоже, разглядев отворот в сторону появившейся с кормовых углов тени.

– Лево руля! Штурвал до упора! – хотя капитан 2-го ранга Беляев и не видел самого пуска мины, он имел возможность прикинуть примерный курс мчащейся под водой смертоносной стальной сигары. – Просигнальте «Сторожевому»: враг за кормой, пытается прорваться вдоль берега!

Слитный грохот сдвоенного залпа 120-мм орудий заглушил часть фразы командира «Корейца». Пару секунд спустя над канонеркой прошелестело в воздухе несколько крупнокалиберных снарядов – это открыли огонь «Варяг» или «богини», невидимые в темноте на фоне берега. «Сторожевой» повернул в сторону нападавших, часть из малокалиберных и увеличивая ход. Похоже, командир истребителя собирался сойтись с врагом на расстояние пистолетного выстрела.

Спокойная беседа наместника и жандармов была прервана канонадой из десятков орудий всех калибров. В первые пару минут до дворца доносились лишь отзвуки далёкой перестрелки на море, а затем к веселью дружно подключились более серьёзные калибры. Ударили крупнокалиберные орудия береговых батарей, раз за разом вторили им шестидюймовки крейсеров, заглушая хлопанье более мелких пушек.

Судя по всему, всё действие происходило на внешнем рейде крепости, и в нём участвовали почти все находившиеся там корабли. Наместник и его контрразведчики выскочили на улицу, пытаясь сориентироваться в происходящем.

– Ваше высокопревосходительство, получено сообщение с Электрического утёса: эскадра отражает минную атаку! – потрясая бумажкой с текстом, следом за Алексеевым и жандармами из дворца выбежал подполковник Болоховитинов, старший адъютант наместника.

– Ну, вот, и дождались, слава тебе, Господи, – сняв фуражку, генерал-адъютант размашисто перекрестился. – Боже правый, помоги нам победить лютого врага.

– Ваше высокопревосходительство, разрешите нам удалиться? – обратился к наместнику ротмистр Проскурин. – Судя по всему, нам пришла пора форсировать некоторые важные мероприятия.

– Идите, господа, служите на благо Отечества, – не найдя никаких иных слов, Алексеев просто взял и перекрестил обоих жандармов. – Да поможет вам Бог!

Контрразведчики быстрым шагом растворились во тьме, а генерал-адъютант возвратился во дворец, пройдя прямо в телеграфную, куда стекалась пока ещё скудная информация с береговых постов и батарей. Следующий час наместник провёл среди телеграфистов, диктуя приказы и распоряжения первоочередной важности, поднимая по боевой тревоге гарнизон крепости.

Бой на рейде разгорался. Обнаруженный ещё до начала атаки отряд японских истребителей под командованием капитана 1-го ранга Асайя столкнулся с противодействием русских дозоров.

Северные варвары стреляли довольно-таки метко. Флагманский миноносец Асайя – «Сиракумо» – уже получил 75-мм снаряд в дымовую трубу и сейчас стремительно выходил из-под обстрела «Корейца».

Выпущенная по врагу мина прошла мимо, а артиллерия истребителя при всём желании не могла нанести серьёзного вреда более крупной русской канлодке. Вся надежда теперь на великолепные машины «Сиракумо», на его низкий малозаметный в темноте силуэт и на атаки других кораблей отряда.

Словно смиростивившись над первой неудачей Асайя, боги послали самураям первую удачу: на рейде глухо громынуло, и у борта какого-то русского корабля поднялся вспененный водяной столб. В следующее мгновение командир японского отряда зашипел сквозь зубы проклятье в адрес демонов моря: вокруг «Сиракумо» легло несколько крупнокалиберных снарядов, обрушив на мостик истребителя плотный душ из холодной морской воды.

Вступив в бой самыми первыми из русских кораблей, «Манджур» и «Сердитый» вскоре были вынуждены начать отход в сторону рейда. Дрожа всем корпусом и выжимая из машин всё возможное, словно во времена своей молодости, канонерка то и дело меняла курс, уклоняясь от торпедных атак японцев. На пару русских кораблей навалилась сразу целая четвёрка японских истребителей, поначалу пытавшаяся тихо и незаметно прокрасться на внешний рейд.

Ослепляемые вспышками выстрелов из собственных орудий, комендоры ловили в прицел мелькающие то тут, то там тени, посылая во врага снаряд за снарядом. В ответ из темноты прилетали японские снаряды, малокалиберные, но обладающие хорошим осколочным эффектом.

После трёх подряд попаданий в экипаже «Манджура» появились первые раненые, а какой-то шальной осколок вывел из строя одну 75-мм пушку Канэ. Маневрирующий рядом с канонеркой и поддерживающий её огнём «Сердитый» получил всего лишь одно попадание в бак, не вызвавшее, впрочем, каких-нибудь серьёзных повреждений.

Из крупных кораблей эскадры к моменту начала японской атаки на внешнем рейде Порт-Артура находились крейсера, а также три наиболее быстроходных броненосца: «Ретвизан», «Цесаревич», «Пересвет». Последние стояли ближе к Тигровому полуострову, прикрываемые «Новиком», «Аскольдом» и «Богатырём». Чуть поодаль на якорях стояли канонерские лодки «Гремящий» и «Отважный», готовые в любой момент поддержать огнём дозорные пары.

Мористее расположился отряд под командованием капитана 1-го ранга Рейценштейна, недавно назначенного вместо контр-адмирала Витгефта – «Паллада», «Диана» и «Варяг». «Богини» и «Варяг» стояли под парами, в готовности немедленно дать ход, ближе к проходу в получасовой готовности дымил парой труб «Баян». У самого входа во внутреннюю гавань застыл гружённый кардиффом вспомогательный крейсер «Ангара», по указанию заместника вооружённый разнокалиберной устаревшей артиллерией.

В первом ряду лёгкая зыбь покачивала пароходы «Цицикар», «Аргунь», «Казань», «Мукден», «Екатеринослав», «Хайлар», «Харбин» и «Николай». Здесь же находились старые клиперы «Джигит» и «Разбойник», служившие в последнее время в качестве целей при проведении учебных торпедных стрельб. Клиперы несли на своих мачтах настоящую иллюминацию, чем разительно отличались от полностью затемнённых кораблей из отряда Рейценштейна.

Как только дозорные канонерки и истребители вступили в перестрелку с японцами, на крейсерах пробили боевую тревогу, а комендоры зарядили орудия фугасными (снарядами). На «Палладе» включили прожектора, лучи яркого света заскользили по свинцовым волнам. Стоявшая поблизости «Диана» также включила свои прожектора, в полной готовности открыть огонь по обнаруженному врагу.

– Николай Карлович, японские миноносцы! – выпалил капитан 1-го ранга Коссович, едва на мостике крейсера появился Рейценштейн. – Самураи всё-таки решились на нас напасть!

– Смотрите! Там, в луче прожектора! – указывая направление, взмахнул рукой лейтенант Бровицын. – Вот они, сразу две единицы!

– Да стреляйте же вы, скорее! – воскликнул Рейценштейн, разглядев идущие в кильватерном строю четырёхтрубники. – Приказ по отряду: немедленно сняться с якоря! Быстрее передайте приказ на «Диану» и на «Варяга»!

Луч прожектора вновь выхватил из темноты четвёрку истребителей, очень похожих на миноносцы типа Невского завода. Головной из них нёс на мачте включёнными красный и белый огни, как это было принято в порт-артурской эскадре. В какой-то момент Рейценштейну даже показалось, что он видит русские корабли, но каперанг сразу вспомнил, что опознавательным цветом дозора сегодня являются красный и зелёный цвета. Сомнения разрешились сами собой, когда истребители неожиданно разошлись влево и вправо, а недалеко от одного из них взметнулись фонтаны воды: это прилетели снаряды с «Манджура».

Отрывисто застучали 75-мм пушки левого борта, дала залп пара 120-мм орудий того же борта, затем гулко ухнула баковая шестидюймовка. Яркие вспышки выстрелов на миг ослепили командный состав крейсера, заставив офицеров прикрыть руками и зажмурить глаза. На пару секунд мостик «Паллады» заволокло клубами кордитного дыма, и Николай Карлович закашлялся, не успев сделать паузу на вдохе.

– Есть попадание! – сквозь грохот стрельбы донёсся срывающийся голос кого-то из сигнальщиков. – Второй слева горит!

«...Да уж, всё прямо наоборот: попал с бала на корабль, – усмехнулся Рейценштейн, припомнив, как ещё час назад поздравлял с именинами супругу начальника эскадры. – А как Оскар Викторович огорчится, что ему не дали дотанцевать...»

Снявшись с якорей, крейсера сразу же стали маневрировать, ведя беглый огонь по вражеским истребителям из всех калибров. Меткие выстрелы комендоров «Паллады» и «Дианы» достигли целей, нанеся повреждения сразу трём японским миноносцам. Благодаря стрельбе «богинь» «Сердитый» и «Манджур» смогли отбиться, избежав попаданий вражеских торпед. На выручку самому южному дозору уже спешили «Гиляк» и «Стерегающий», а у Тигрового полуострова спешно поднимал пары «Новик».

Между тем японцы достигли второго и последнего своего успеха: попытались атаковать «Варяга», истребитель «Касуми» выпустил мину, которая угодила в корму парохода «Цицикар». К сожалению, комендоры «Варяга» не смогли поддержать репутацию своих коллег с «богинь», и «Касуми» благополучно удрал, несмотря на то что снаряды с крейсера падали у самого его борта.

Постепенно стрельба сама собой стихала, удаляясь вслед за японцами куда-то в море. Как позднее выяснилось, капитан 2-го ранга фон Эссен бросился на своём «Новике» в погоню за отходящим врагом, не дожидаясь выхода из гавани 1-го отряда истребителей. «Новик» сумел нагнать пару японских кораблей, и даже повредить одного из них, но на выручку «Сазанами» и «Акебоно» примчалась четвёрка миноносцев, и Николай Оттович с сожалением был вынужден повернуть назад. Контакт был потерян, а подошедшие чуть позднее 1-й и 2-й отряды истребителей – «немцы» и «французы» – под общим командованием капитана 1-го ранга Матусевича, не смогли обнаружить ни одного вражеского миноносца.

По мере прекращения огня на рейде в Порт-Артуре стали слышны отдалённые крики команд, грохот колёс по булыжной мостовой, лязг железа и прочий шум растревоженного нападения города. Постепенно во дворце Алексеева собирались вызванные им начальники: генерал-лейтенант Стессель, вице-адмирал Старк, примчавшийся прямо с бала своей супружницы вместе с Ухтомским, Иессеном и Греем, генералы Фок, Белый и Кондратенко.

Приехал Макаров, уже успевший побывать и на балу, и в порту, чем-то сильно недовольный и воинственно раздражённый. Все собравшиеся с нетерпением ждали с докладом

Рейценштейна, которого должен был доставить в Порт-Артур с борта «Паллады» посыльный корабль эскадры – миноносец «Лейтенант Бураков».

Шло время, прибежали и убегали посыльные со стоявших на внутреннем рейде кораблей, поступали доклады с батарей. Начальник отряда обороны гавани всё никак не появлялся, заставляя собравшееся начальство проявлять нетерпение.

– Господин генерал-адъютант, я считаю, что к нам с утра заявятся незваные гости – весь японский флот, – не выдержав томительного ожидания, к наместнику подошёл Макаров. – Начальнику эскадры следует немедленно выводить в море оставшиеся броненосцы, чтобы утром встретить врага во всеоружии.

– Может, вы и правы, Степан Осипович, – Алексеев в задумчивости погладил свою бороду, внимательно посмотрел на столпившихся вокруг него генералов и адмиралов. Взоры всех морских и сухопутных военачальников были обращены на генерал-адъютанта. – Оскар Викторович, мы с вами пойдём на «Цесаревиче». Павел Петрович, как всегда, будет на «Пересвете»... Степан Осипович, нам, возможно, предстоит хорошая драка с японцем... Вы как, не против поднять свой флаг на «Петропавловске»?

– С превеликим удовольствием, ваше высокопревосходительство, почту за честь, – сверкнул взглядом Макаров.

– Ну, и отлично, господа, сейчас, сразу, и отправляемся, – наместник поискал кого-то взглядом, чуть заметно кивнул Иессену, и повернулся к адмиралу Старку. – Оскар Викторович, мы заслушаем доклад Николая Карловича на флагмане.

– Ваше высокопревосходительство, а что же делать нам? – поинтересовался генерал-лейтенант Стессель. – Поднимать ли полки в Дальнем по тревоге или нет?

– Ну, конечно, же, Анатолий Михайлович, надо трубить тревогу и в Дальнем, и в каждом гарнизоне на побережье, – Алексеев обернулся в сторону армейского начальства. – Вдруг японцы уже начали высадку где-нибудь в укромной бухте?

Оставив опешивших и напуганных генералов за спиной, наместник удалился вслед за группой адмиралов и флотских офицеров во главе со Старком. Благодаря расторопности Болоховитинова экипажи уже ждали у дворцового крыльца, в готовности гнать галопом по ночным улицам растревоженного города.

Спустя какое-то время длинная кавалькада набитых адмиралами и офицерами экипажей остановилась прямо на пристани. Здесь Алексеева и остальных ждал небольшой сюрприз: к пристани подходил истребитель «Сердитый» с Рейценштейном на борту. Отразив набег японцев, капитан 1-го ранга так и не дождался подхода посыльного миноносца. Подозвав сигналом ближайший к «Палладе» истребитель, Николай Карлович поспешил на доклад к генерал-адъютанту.

Неизвестно, кто удивился больше – Рейценштейн или команда «Сердитого», – рассмотрев на пристани многочисленный и высокопоставленный комитет по встрече. Через несколько минут палубу миноносца заполнили целых пять адмиралов и десятка полтора старших офицеров, а на мостике корабля началось обсуждение подробностей отражённой ночной атаки. Лейтенант Кузьмин-Караваев получил редкую возможность рапортовать о ночном морском бое сразу шести адмиралам, жадно внимавшим почти каждому его слову.

Подойдя к «Цесаревичу», истребитель высадил на его борт трёх адмиралов и десяток прочих офицеров. Затем «Сердитый» доставил вице-адмирала Макарова на «Петропавловск», князя Ухтомского на его «Пересвет» и направился к «Ретвизану», чтобы избавиться от Иессена с его флаг-офицером.

Набег японских миноносцев нанёс эскадре следующие потери: был торпедирован и затонул клипер «Разбойник», получил пробоину и лишился хода невооружённый пароход «Цицикар». Возле полузатопленного транспорта держалась канонерка «Отважный», готовая снять его команду, а из порта уже спешил на помощь буксир «Силач». Среди команды «Раз-

бойника» имелись погибшие, а часть моряков числилась пропавшими без вести. Истребитель «Сторожевой» первым бросился к тонущему клиперу и даже успел подойти до его полного погружения в воду, но морская пучина всё-таки поглотила свою долю людских жертв.

Во время боя на «Сторожевом» лёгкие ранения получили двое моряков, но все они остались в строю. Шедший к пристани с Рейценштейном на борту «Сердитый» передал на берег двух раненых, а также тела трёх погибших – японский снаряд угодил прямоком в кормовое орудие миноносца. Убитые и раненые имелись и на двух канонерских лодках – на «Манджуре» и на «Корейце». Число потерь на канонерках требовало уточнения, так как «Кореец» принимал на борт спасённых с «Разбойника».

Со слов командира отряда крейсеров выходило, что во время боя повреждения получили, чуть ли ни с дюжину вражеских истребителей, но так и не удалось потопить ни одного из них. Общее число атаковавших японских миноносцев оценивалось в полтора-два десятка, не менее.

– Ваше высокопревосходительство, получено радио с «Новика», – улучив момент, капитан 1-го ранга Григорович протянул заместнику бланк с текстом телеграммы.

– Кхм... Господа, капитан второго ранга фон Эссен передаёт, что возвращается в Порт-Артур, и просит, чтобы его не приняли за японца, – пробежав взглядом текст, генерал-адъютант передал бумажку Старку. – Николай Карлович, вы со своим отрядом пойдёте в кильватере броненосцев. Сигналов не ждите, действуйте по обстоятельствам.

В этом момент капитан 1-го ранга Эбергард сообщил, что в гавань входит «Лейтенант Бураков», которого так и не дождался Рейценштейн. Спустя какое-то время выяснилась странная «пропажа» этого истребителя: выйдя в море, миноносец обнаружил на рейде разбитую шлюпку и несколько державшихся за эти обломки моряков с «Разбойника». Истребитель подобрал спасшихся, а затем некоторое время обследовал район гибели клипера, но никого больше не обнаружил.

Затем капитан 2-го ранга Иванов-4-й потратил сколько-то времени на поиск отряда крейсеров, который, пользуясь темнотой, отошёл к полуострову Тигровый хвост. Найдя, наконец, «Палладу», командир «Буракова» выяснил, что начальник отряда уже отбыл в Порт-Артур на другом истребителе. После этого миноносец помчался обратно в гавань, где и пересёкся, наконец, с Рейценштейном. Слушая рассказ о приключениях «Буракова», Алексеев поймал себя на мысли, что если бы на корабле была установлена станция беспроволочного телеграфа, то капитан 2-го ранга Иванов-4-й не метался бы ночью по внешнему рейду в поисках «Паллады».

Снявшись, наконец, в четвёртом часу ночи с якоря, «Цесаревич» повернул на юго-запад, встав во главе колонны из шести броненосцев. Спустя полчаса флагман застопорил ход, дав возможность Рейценштейну перейти на истребитель «Рязящий». Этот миноносец доставил каперанга на борт «Паллады», после чего все три крейсера встали в кильватер броненосцам.

В паре кабельтовых от крейсеров Рейценштейна на правом траверзе держались шесть «соколов», не участвовавших в ночном бою. Слева угадывался силуэт «Боярина», покинувшего гавань последним и спешащего занять место впереди флагмана.

Крейсерско-броненосный отряд миновал оконечность Ляотешаня, после чего поворотом на пару румбов изменил курс. Затем отряд ещё раз изменил курс, двигаясь теперь строго на юг. Здесь-то и сказались многочисленные «алексеевские» ночные учения: все корабли, включая истребители, остались в строю, никто не отбил и никто не заплутал в темноте. До восхода солнца оставалось ещё два часа, за которые могло произойти что угодно.

К восьми часам утра «Баян» и «Богатырь» завершили поиск якобы подбитого неприятельского миноносца в бухтах Тахэ и Лунвантань, и далее вдоль побережья. Так и не найдя подранка, обещанного армейцами с берегового поста, крейсера двинулись на соединение с

эскадрой. Уже находясь на траверзе Золотой горы, милях в четырёх от побережья, сигнальщики «Баяна» заметили на горизонте растущее облачко дыма.

Полагая, что наблюдает возвращение в Порт-Артур русской эскадры, капитан 1-го ранга Вирен вызвал «Цесаревича» по радио. Спустя минут двадцать от вице-адмирала пришёл ответ, согласно которому эскадра находилась намного южнее, вне видимости «Богатыря» и «Баяна». Ещё раз перечитав полученную радиограмму, Роберт Николаевич Вирен слегка помедлил, всматриваясь в растущие на горизонте дымы, а затем приказал телеграфировать адмиралу Старку, что обнаружен японский отряд, идущий на ост от Ляотешаня.

К этому моменту дымы превратилось в силуэты кораблей, и сигнальщики уверенно опознали в них четвёрку двухтрубных крейсеров. Если у кого ещё и оставались какие-нибудь сомнения, то теперь они окончательно рассеялись – «эльсвикские» крейсера японцев имели весьма характерные и запоминающиеся силуэты.

«Баян» и «Богатырь» резко изменили курс, готовясь к бою на параллельно-сходящихся курсах. Вирен вновь радировал Старку, сообщая курс и скорость противника и своего отряда. По прикидкам Роберта Николаевича, оба русских корабля имели хорошие шансы отдубасить четвёрку «эльсвикских» крейсеров, несмотря на превосходство японцев в артиллерии. Подобного же мнения придерживался и командир «Богатыря», капитан первого ранга Стемман.

Японцы увеличили ход до восемнадцати узлов, похоже, стремясь избежать боя с парой русских крейсеров. «Баян» и «Богатырь» также увеличили ход, постепенно сближаясь и нагоняя японский отряд. Ни Вирен, ни Стемман и не подозревали, что командир 3-го боевого отряда контр-адмирал Дева решил заманить самоуверенных русских в ловушку.

Когда расстояние до японцев сократилось до пятидесяти пяти кабельтовых, капитан 1-го ранга Вирен приказал навести на врага заранее заряженные орудия. Почти сразу же с этим приказом сигнальщики доложили, что видят впереди целое облако густого дыма. Спустя десять минут идущий в пяти кабельтовых впереди «Богатырь» поднял сигнал: обнаружен японский броненосный флот. В эфир понеслась радиограмма с координатами, курсом и скоростью противника.

Установив визуальный контакт со своими главными силами, отряд Девы резко изменил курс, явно рассчитывая втянуть русских в бой, а затем подставить их под огонь двенадцатидюймовок своих собственных броненосцев. Четвёрка японских крейсеров пошла на сближение, готовясь открыть огонь.

Вскоре дистанция между противниками сократилась примерно до сорока пяти кабельтовых и продолжала сокращаться ещё более. На баке и на корме «Читосе» сверкнули вспышки, тотчас обратившиеся в клубы серого дыма. Спустя какое-то время два 203-мм снаряда шлёпнулись в море, подняв высокие султаны воды. Недолёт, и большой.

Надо отдать должное Вирену и Стемману – они сразу же раскусили замысел контр-адмирала Девы. Спустя пару минут после первого же залпа японцев «Баян» и «Богатырь» резко повернули на шестнадцать румбов влево, ложась на обратный курс.

На тот момент расстояние до колонны броненосцев Того составляло около восьмидесяти кабельтовых, и теоретически «Микаса» имел шанс поразить русские крейсера. Но лишь теоретически. Практически же на такой дистанции не представлялось возможным попасть в цель, маневрирующую на полном ходу, да ещё периодически исчезающую в облаке дыма из собственных труб.

Взяв курс на Порт-Артур, «Баян» и «Богатырь» дали самый полный ход, выжимая из машин все возможные лошадиные силы. Идя на двадцати узлах, крейсера вскоре оставили далеко позади себя колонну японских броненосцев.

Контр-адмирал Дева немного замешкался и прозевал резкий поворот русских. Когда 3-й боевой отряд наконец-то повернул, ложась на курс погони, расстояние между противниками составляло уже более шестидесяти кабельтовых, продолжая постоянно увеличиваться.

Воочию наблюдая бегство русских и крах замысла своего подчинённого, вице-адмирал Того испытал чувство лёгкого огорчения и разочарования. Стоя на мостике «Микасы» с биноклем в руках, японец оценил слаженный разворот на полном ходу «Богатыря» и «Баяна», а также отметил хорошие скоростные качества этих двух крейсеров противника.

Глава 7

После восхода солнца сигнальщики «Аскольда», держащегося в авангарде, заметили милях в трёх справа по курсу «Новик», идущий на норд-вест в сопровождении двух отрядов истребителей. Пару минут спустя фон Эссен также обнаружил эскадру, и, недолго думая, повернул на соединение с броненосцами. К этому времени на мостике «Цесаревича» собрались все – от генерал-адъютанта до вахтенного офицера корабля.

– Наверное, хорошо, что мы не пересеклись в темноте с «Новиком», – негромко заметил Старк. – Иначе не избежали бы хлопот с опознанием своих же миноносцев.

– Согласен с вами, Оскар Викторович, – поглазев на двойной строй истребителей, наместник опустил бинокль. – Хорошо идут, слаженно.

– Ваше высокопревосходительство столь часто объявляли ночные учения, что офицерам было бы стыдно ударить в грязь лицом, – польстил начальник эскадры.

– Нет, это вы, Оскар Викторович, донесли до личного состава мысль о скорой войне, и именно ваш организаторский талант способствовал приобретению офицерами опыта ночных походов, – Алексеев тотчас вернул обратно сомнительный комплимент.

Сблизившись с эскадрой, «Новик» лёг на параллельный курс, идя в одном кабельтове от «Цесаревича». Капитан 2-го ранга фон Эссен доложил семафором о ходе поиска противника, завершившегося, к сожалению, совершенно безрезультатно. Тем временем все десять истребителей оттянулись к хвосту колонны, заняв места по обоим траверзам крейсеров Рейценштейна.

– Ваше высокопревосходительство, получен запрос с «Баяна», – прочитав принесённую вестовым радиogramму, доложил командир броненосца. – Капитан первого ранга Вирен просит телеграфировать ему координаты эскадры.

– Неужели Роберт Николаевич заблудился? Днём, в двух десятках миль от Порт-Артура? – удивлённо вскинул брови наместник. Стоявшие на мостике офицеры вежливо заулыбались шутке высокого начальства. – Иван Константинович, голубчик, телеграфируйте и заодно пошлите запрос насчёт того японца в Тахэ. Может, хоть Вирену повезло с поиском врага.

– Я не думаю, что Вирен на пару с опытнейшим Стемманом могли заплутать в местных водах, – негромко заметил Старк. – Скорее всего, дело в чём-то другом.

– Чего тут гадать, Оскар Викторович, скоро мы и сами обо всём узнаем, – генерал-адъютант погладил бороду. – Наверное, нам не стоило посылать в Тахэ сразу оба крейсера, за глаза хватило бы и одного «Богатыря».

– Ну, я вообще бы ограничился парой миноносцев, – произнёс вице-адмирал. – Либо послал бы «Боярина» – осмотреть побережье, поискать обломки.

Вялотекущую беседу высокопоставленных особ прервала новая телеграмма с «Баяна». Капитан 1-го ранга Вирен сообщил, что обнаружил корабли противника, указав местоположение, курс и скорость японского отряда. Судя по координатам, враг находился в двух десятках миль от эскадры, и медлительные русские броненосцы не имели никаких шансов догнать более быстроходных японцев.

Тем не менее радиogramма Вирена взбодрила штаб наместника и командный состав «Цесаревича». Чуть погодя Алексеев приказал изменить курс на пару румбов и передать новость семафором на все корабли эскадры. Затем генерал-адъютант отдал приказ «Новику» и «Боярину» с двумя отрядами истребителей выдвигаться вперёд на поиск японцев в десятке миль на носовых курсовых углах.

Следующая радиogramма Вирена поставила все точки над «i»: крейсера обнаружили на подступах к Порт-Артуру весь японский флот или, по крайней мере, его ударную часть.

В телеграмме указывались координаты, курс и скорость вражеских броненосцев, идущих единой кильватерной колонной.

Алексеев, Старк, Григорович и Эбергард сразу же склонились над картой, производя расчеты, прикидывая возможные маневры японцев и эскадры, подсчитывая общее соотношение сил. Ни у наместника, ни у вице-адмирала не имелось в наличии никакого плана боя, но оба командующих не унывали. За последние полгода наместник смог заразить почти весь личный состав флота своей оптимистичной уверенностью в неминуемой победе русского оружия. Многие матросы и офицеры считали, что, случись война, японцы тотчас покажут корму, а может даже, сразу же поднимут белые флаги.

Первым обнаружил японцев «Новик». Полубоившись на поднявшееся над горизонтом длинное облако дыма, капитан 2-го ранга фон Эссен приказал пятёрке истребителей 1-го отряда издали следить за противником, а сам отвернул, чтобы скрыть крейсер в туманной дымке. Учитывая важность информации, Николай Оттович принял решение рискнуть и воспользоваться беспроволочным телеграфом для связи с начальством.

Как выяснилось уже после войны, японцы сразу же засекли радиопереговоры русских, но до определённого момента полагали, что в море находятся лишь порт-артурские крейсера и истребители. Поэтому когда вице-адмиралу Того доложили о появлении на юге русских миноносцев, командующий Объединённым флотом приказал 3-му боевому отряду парировать возможную атаку противника. Изменив курс, четвёрка крейсеров контр-адмирала Девы вышла из общего строя и пошла на сближение с русскими истребителями.

Получив доклад с «Новика», генерал-адъютант призадумался. Японский флот шёл на шестнадцати узлах, тогда как старые русские броненосцы могли выдать такую же скорость лишь на очень короткое время. Максимально оптимальной скоростью эскадры считалась четырнадцатизуловая, в самом крайнем случае – пятнадцать узлов, да и то на очень короткое время и с сильным напряжением котлов и механизмов. Как ни крути, но врага никак не получалось перехватить до подхода к внешнему рейду Порт-Артура.

«...Подойдя к крепости, японцам придётся иметь дело с береговыми батареями на Электрическом утёсе и на Тигровом полуострове, – слушая Григоровича и глядя на карту, размышлял наместник. – Если пушки не проспят, точнее, если Грече, Стессель и Белый не подведут, то самураям придётся ой как несладко. Да и Стемман с Виреном подсобят, даже если им придётся уводить свои крейсера на внутренний рейд...»

– Поворачиваем на шесть румбов влево, господа, и берём курс на Ляотешань, – принял решение Алексеев. – Иван Константинович, телеграфируйте на «Аскольд» мой приказ: пусть Грамматчиков возьмёт под свою команду «Новика», а затем отвлечёт японцев.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, – отозвался капитан 1-го ранга Григорович, кивком головы подзывая к себе вестового.

– Ваше высокопревосходительство, а давайте отправим вперёд отряд Рейценштейна, – ткнув пальцем в карту, предложил вице-адмирал Старк. – Крейсера Николая Карловича смогут дать узлов семнадцать, а если повезёт – и все восемнадцать, и первыми вступят в бой с япошками. А тут и мы подоспеем.

– Если Вирен не ошибся, Оскар Викторович, то в голове японской колонны идут их броненосцы, новейшие, заметьте, английской постройки, – объяснил расклад сил наместник. – «Микаса» или «Асахи» разгромят отряд Рейценштейна, нисколько не запыхавшись. Мы не станем зазря рисковать Николаем Карловичем и тремя нашими крейсерами.

– Мы можем поставить «богинь» и «Варяга» в авангард колонны. Японцы поначалу обнаружат лишь три этих крейсера и не сразу рассмотрят наши броненосцы, – заметил капитан 1-го ранга Эбергард. – Как только враг откроет огонь, Рейценштейн сразу же отвернёт и выйдет из-под обстрела.

– Хм, неплохая идея, Андрей Августович, – пригладил бороду генерал-адъютант. – Иван Константинович, передайте на «Палладу»: пусть Рейценштейн даёт полный ход, и поспешит в голову колонны. Когда «Паллада» будет в зоне прямой видимости, передайте ратьером план боя. Авось, господа, и обманем японцев.

Примерно в десять сорок утра сигнальщики «Читосе» – флагмана контр-адмирала Девы – обнаружили слева по курсу два новых дыма. Замеченные ранее русские миноносцы почти исчезли на горизонте, видимо не испытывая желания связываться с японским отрядом.

Вскоре дымы материализовались в пару крейсеров, опознанные как «Новик» и «Аскольд». Оба корабля шли к берегам Ляодуна, сближаясь с японцами на пересекающемся курсе. Контр-адмирал Дева сразу же телеграфировал командующему Объединённым флотом о появлении новой лёгкой добычи, а сам повернул, стремясь навязать врагу бой.

Русские отвернули раньше, чем японский отряд вышел на дистанцию открытия огня. При этом противник вновь воспользовался беспроволочным телеграфом, передав в эфир зашифрованное сообщение. Понимая, что догнать более быстроходные «Новик» и «Аскольд» практически нереально, Дева Сигенори вновь изменил курс, следуя на зюйд-вест.

Подойдя к внешнему рейду Порт-Артура, вице-адмирал Того с удивлением обнаружил под Золотой горой всего лишь два русских крейсера – ранее убежавшие от него «Баян» и «Богатырь». Кроме них у самой оконечности Тигрового полуострова стояло два гражданских парохода, три канонерские лодки и ещё какое-то полузатопленное судно. В проходе виднелся уходящий на внутренний рейд трёхтрубный корабль, издав далеко смахивающий на крейсер. Внутри гавани просматривались, скорее, угадывались, несколько мачт, возможно, принадлежащих военным кораблям.

В одиннадцать двадцать пять утра, пытаясь накрыть отходящие в гавань русские канонерки, «Микаса» открыл огонь главным калибром по внутреннему рейду, с дистанции в сорок пять кабельтовых. Следом за флагманом огонь открыли ещё пять японских броненосцев, обстреливая гавань, город, а также беря на прицел оба русских крейсера. Спустя пару минут к обстрелу подключились все шесть броненосных крейсеров вице-адмирала Камимур, и «Баян» с «Богатырём» исчезли за целой стеной всплесков.

Русские ответили буквально через пару минут, и ответили неожиданно. Береговые батареи дали свой первый залп почти одновременно, видимо, повинаясь централизованно отданной команде. Вокруг флагмана Того и идущего ему в кильватер «Асахи» тотчас поднялись многочисленные султаны воды.

Со вторым залпом русских береговых батарей последовали первые попадания: десятидюймовая болванка навывлет прошила одну из дымовых труб броненосца. Затем в корабль угодила шальной снаряд какого-то неопознанного калибра, пробил верхнюю палубу бака, повредил носовую казематную трёхдюймовку левого борта и, так и не разорвавшись, шлёпнулся в море.

Бой разгорался. Третье попадание пришлось в главный броневой пояс: 152-мм снаряд разорвался у самого миделя корабля. «Асахи» также получил русские «гостинцы»: на шканцах броненосца вспыхнул небольшой пожар, который, впрочем, был быстро потушен.

Рассматривая в бинокль с мостика своего флагмана русские позиции, вице-адмирал Того быстро пришёл к выводу, что его корабли не в состоянии подавить вражеские орудия. Как это часто случалось, расположенные на возвышенностях береговые батареи имели определённое тактическое преимущество перед флотом. К тому же плотность огня с берега навела на мысль о том, что в дуэли участвуют и русские броненосцы, ведя огонь с внутреннего рейда крепости.

Спустя десять минут после начала боя сигнальщики «Микасы» доложили об обнаружении нескольких русских кораблей, спешащих к Порт-Артуру. Головным шёл какой-то трёхтрубный крейсер – чуть позднее в нём опознали «Боярин», – за ним шла пара-тройка трёх-

трубных крейсеров, вокруг которых вовсю дымили не менее десятка истребителей. Долгое время сигнальщики не могли определить, сколько вообще русских кораблей в зоне видимости, так как враг несколько раз изменил курс, видимо, надеясь обойти расположившийся на внешнем рейде крепости японский флот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.